

1 р. 10 к.

P 710
8 VIII

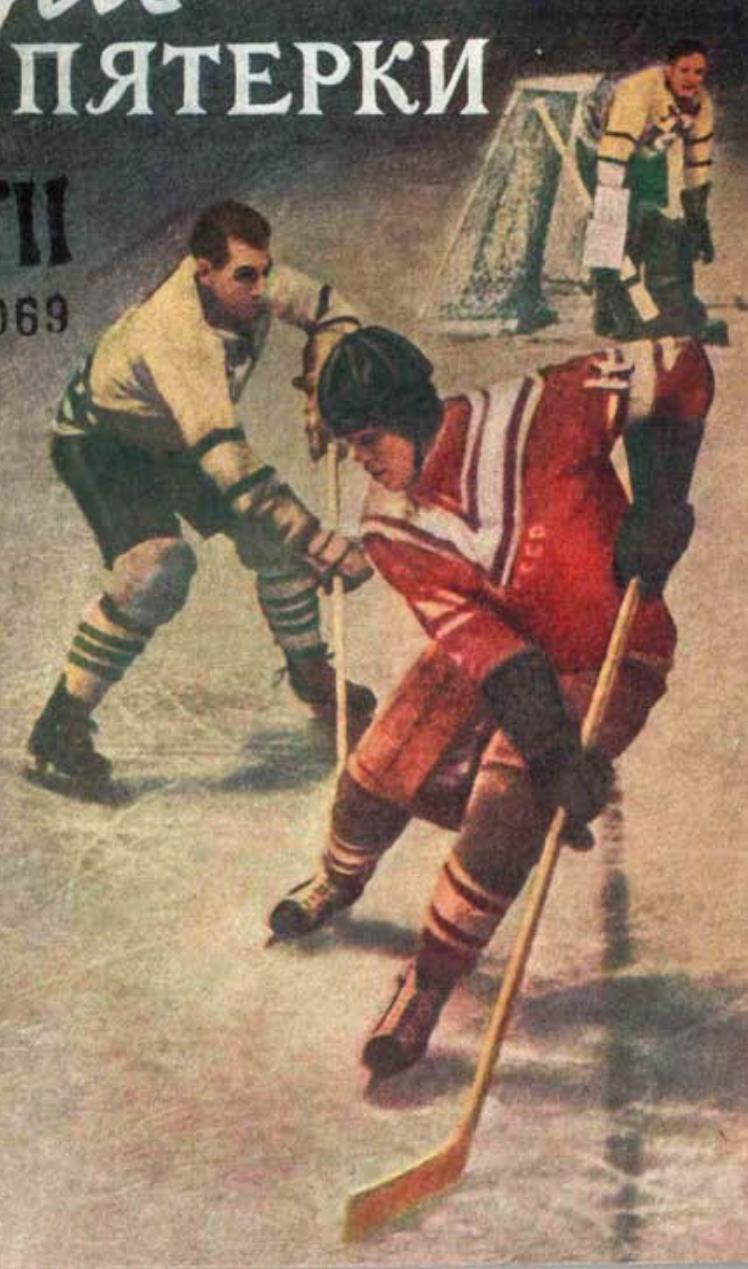
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

В. ВИКТОРОВ

Ми
ПЯТЕРКИ

XVII

13069

XVII.

В. ВИКТОРОВ

Мури
ПЯТЕРКИ

Издательство ИКВЛКСМ
"Молодая гвардия"
1957

XVII

13069

I

Двадцать пять лет назад в маленьком городке Сестрорецке, невдалеке от Ленинграда, на катке старинного, еще Петром Первым построенного завода можно было увидеть курносого паренька, гонявшего по льду плетеный хоккейный мячик. Мальчик играл в школьной команде, и в дни соревнований на поле можно было встретить и его старшего брата и отца, инженера сестрорецкого завода. И тот и другой тоже играли в хоккей.

Михаил Андреевич, инженер-инструментальщик, состоял в первой заводской команде, хоккей любил с юности и сыновьям своим с малых лет привил вкус к этой игре. Он научил их искусству обводки, меткого удара, и мальчики с детства слышали разговоры о достоинствах того или другого знаменитого игрока, о тонкостях атаки или обороны. И что было удивительного в том, что маленький курносый мальчик, с девяти лет пристрастившийся к хоккею, в шестнадцать был уже в составе юношеской сборной Ленинграда, славился на весь сестрорецкий завод. Честь своего завода он, слесарь-инструментальщик, воспитанник ФЗУ, защищал так же горячо, как его отец и старший брат. В восемнадцать лет молодой хоккеист играл в сильнейшей команде Ленинграда — «Динамо», а еще через четырнадцать лет вот что говорил о нем Томас Кембелл, капитан канадской хоккейной команды:

«Советские спортсмены блестяще провели последнюю игру. Мы просто не представляли себе, что в хок-

кей можно так играть... В решающем состязании мы были разгромлены. Нас, канадских хоккеистов, поразила работоспособность русской команды, умение вести игру в необычайно стремительном темпе. Лучшим игроком во всем первенстве был бесспорно русский нападающий Бобров. Это хоккеист экстра-класса».

Мало кому известны эти подробности из жизни Всеволода Боброва. Говоря о времени его прихода в спорт, обычно называют 1944 год, когда он появился в составе футбольной команды ЦДКА. Успехи Боброва в хоккее многие считали просто чудом. Но это не так. Ведь начинать Бобров с хоккея и до восемнадцати лет о футболе только мечтал.

В начале Великой Отечественной войны Всеволод Бобров эвакуировался из Ленинграда с заводом, на котором он работал вместе с отцом, и оказался в Омске, где стал вскоре курсантом военного училища.

В армии он и увлекся футболом, проявил недюжинные способности и удивительно быстро нашел свое место в ряду таких известных нападающих, как Федотов, Николаев, Гринин, Демин. Уже через несколько месяцев мы увидели Боброва на поле в составе сильнейшей в то время команды ЦДКА.

Футбол формировал характер Боброва-хоккеиста. Именно в те годы, когда он играл в прославленном армейском нападении, научился он мобилизовывать свою волю, свою силу в самую нужную, самую ответственную минуту.

Кто из любителей футбола не помнит знаменитого финального матча ЦДКА — московское «Динамо» в первенстве страны 1948 года! Перед последней решающей встречей с ЦДКА динамовцы имели на одно очко больше. Им достаточно было ничьей, чтобы выиграть первенство. Для армейцев ничья была равносильна поражению.

Чтобы стать чемпионом страны, надо во что бы то ни стало выиграть, только выиграть, а счет ничейный — 2:2. Атаки армейцев следуют одна за другой, но счет не меняется. Прозвучал гонг — осталось всего пять минут, поражение нависло над командой. И тогда Бобров, стремительный, собранный, полный решимости побе-

дить, завладел мячом, ударил с ходу, и судейский свисток известил, что третий, решающий, гол забит.

Если юношеское увлечение хоккеем развило у Боброва великолепное умение на огромной скорости видеть поле и помогло ему быстро найти свое место в лучшей футбольной команде страны, то футбол, в свою очередь, укрепил его веру в свои возможности. Бобров понял, что команда может рассчитывать на него.

И могло случиться так, что он навсегда сменил бы ледяное поле на зеленое, если бы как раз в это время в знакомой ему с детства игре не произошли коренные изменения. Дело в том, что наряду с хоккеем, во многом схожим с футболом, — его так и называли «ледяной футбол», — в нашей стране стали играть в хоккей с шайбой. Эта совершенно своеобразная игра, требующая особых навыков, превратила признанных мастеров клюшки в робких и неумелых учеников. Еще бы! Представьте себе, что вместо просторного поля, на котором и двадцати игрокам не тесно, вас впихнули в ледяной закуток, да к тому же огороженный со всех сторон высокими бортами. Здесь и десяти спортсменам негде развернуться. Да еще вместо легкого плетеного мячика под ударами клюшек мечется из стороны в сторону черная литая резиновая шайба; попадет в тебя такая шайба, покажется она не резиновой, а чугунной.

Сначала Боброву показалось, что все надо начинать сначала, что навыки, полученные с детства, здесь не пригодны. Какой же он игрок, если шайба не подчиняется ему, летит куда-то в сторону?.. Только потом Бобров понял, что умение, приобретенное при игре в русский хоккей, свойственная этой игре быстрота обогатили хоккей с шайбой, придали ему, имеющему почти столетнюю историю, необычную новизну.

Некоторая неуверенность и сознание бессилия, столь не свойственные характеру Всеволода Боброва, скоро прошли. Он заставил тугую резиновую шайбу слушаться его. Ну что же, если надо, он будет переучиваться заново! В самом деле, если канадцы восемьдесят лет играют в хоккей с шайбой и находят в этом удовольствие; если шведам нравится эта игра и они

достигли в ней немалых успехов; если чехи разгадали все ее секреты и выиграли в 1947 году мировое первенство, так неужели же эта игра не придется по плечу им, советским хоккеистам?

И с каждым годом хоккей с шайбой становился все большей и большей привязанностью Боброва. Он по-прежнему играл в футбольной команде ЦДКА, но с нетерпением ждал наступления зимы.

Давно остались позади годы ученичества, когда новая игра то и дело ставила в тупик самых опытных хоккеистов. Давно были освоены обводка, искусство ведения шайбы, броски (смешно вспомнить то время, когда хоккеисты не умели оторвать шайбу от льда). Уже в сезоне 1948 года шайба под ударами советских хоккеистов носилась по воздуху, как маленький снаряд. А еще через два года была в совершенстве отработана тактика игры и хорошо подобраны пятерки — боевые составы защитников и нападающих.

Первая армейская пятерка, полностью укомплектованная к 1952 году, стала сильнейшей в стране. Здесь каждый из пяти человек отлично дополнял своих товарищев. Александр Виноградов, один из старейших хоккеистов, сильный, спокойный и бесстрашный, и его молодой товарищ Павел Жибуртович — в защите, Виктор Шувалов, Евгений Бабич и Всеволод Бобров — в нападении были непобедимы.

Вся игра пятерки строилась на тончайшем взаимодействии. Жибуртович помогал атакующим, центр нападения Шувалов в трудные минуты поддерживал защитников, а Бабич, действуя на краю, был как бы правой рукой Всеволода Боброва.

К тому времени, с которого начинается наш рассказ, армейская команда имела не одну крупную победу и на всесоюзных первенствах и во встречах с сильнейшими командами Европы.

Но в декабрьские дни 1953 года Бобров чувствовал себя так же беспомощно, как в то время, когда знакоился с новой для него игрой — хоккеем с шайбой. Его команда проигрывала на Урале, где начался розыгрыш первенства страны, а Бобров, связанный учебой в Военно-Воздушной академии, остался в Москве.

По газетным отчетам тщетно пытался он представить себе, что же происходит с товарищами.

Сперва пришло сообщение, что хоккеисты ЦДСА (как стала теперь называться команда) проиграли команде Ленинградского дома офицеров; а через несколько дней Бобров прочел в газетах, что его товарищи потерпели второе поражение — на этот раз от московских динамовцев.

Скорей выехать, скорей выехать — одно желание владело Всеволодом Бобровым. И вот, наконец, уложены в чемодан спортивные доспехи, взят билет на самолет. Осталось несколько часов полета.

Когда Бобров с чемоданом в руках вошел в вестибюль свердловской гостиницы «Большой Урал», он увидел, что ему навстречу спускаются с лестницы товарищи, тоже с чемоданчиками и со связками клюшек. Они спешили на стадион, где должны были встретиться с сильной командой «Крылья Советов».

Как обрадовались они, увидев перед собой рослую фигуру своего капитана, и как смущились, взглянувшись в сумрачное лицо Боброва.

— Ну, поехали, поехали, Всеволод, — сказал ему на ходу Евгений Бабич, а другие только молча пожали ему руку и прошли к автобусу.

Всю дорогу они говорили о пустяках, словно позади не было двух поражений, словно их команда — чемпион страны — не занимает пятого места.

Хоккейный матч продолжается час, не считая перерывов. Один час чистого времени доставил Боброву столько волнений, что их с лихвой хватило бы на целый спортивный сезон. Со скамьи зрителей наблюдал он за ходом игры.

В третьем периоде в ворота армейцев влетела третья шайба. Трудно, почти невозможно отыграться за оставшиеся пятнадцать минут. Но Бобров верит, что его товарищи успеют сравнять счет. И действительно, одна за другой забиты две шайбы, а на последней минуте Виктор Шувалов забросил еще одну, и Бобров, уставший так, словно провел весь этот трудный матч на льду, все шестьдесят минут, без единой замены, пошел навстречу выезжавшим с поля товарищам, что-

бы пожать им руки. Только пожать руки. Говорить сейчас он не мог.

Разговор произошел позже, уже вечером, когда первая пятерка собралась в комнате тренера команды.

Как хорошо было сидеть снова всем вместе, смотреть в знакомые до мельчайших черточек лица друзей и только изредка перебрасываться скучными фразами: ведь они привыкли понимать друг друга с полуслова.

Разговор шел о Москве, о предстоящих международных встречах, обо всем, только не о самом главном. Но за каждой фразой стоял все тот же невысказанный вопрос: «Что с пятеркой?»

Этот вопрос Бобров читал в глазах Евгения Бабича, как всегда «держанного и невозмутимого»; этот вопрос чувствовался в мрачной сосредоточенности Александра Виноградова, в нетерпеливых движениях Павла Жибуртовича, то и дело вскакивающего с места.

Виктор Шувалов сидел ссутулившись, мрачнее тучи, хотя он был героем только что закончившейся встречи. Именно он-то и начал разговор по существу.

— По-моему, — сказал Шувалов, — все дело в том, что не было тебя, Всеволод! Нас вот пятеркой считают, а мы, по существу, одно целое. Единица! А если из единицы что-нибудь вычесть? Дробь получается, а не целое число!

Столь неожиданное красноречие Шувалова удивило всех, и даже Жибуртович, самый непоседливый член пятерки, перестал шагать по комнате.

— Спасибо, Витя, на добром слове, — сказал Бобров, — я сам не представляю себя без вас. Но, по-моему, дробь получается не потому, что я не играл. Рассыпается пятерка потому, что утеряна взаимосвязь между защитой и нападением. А вы представляете, как это опасно перед Стокгольмом?

— А разве поедем? — вскочил с места Жибуртович. — Уже решено?

— Кто поедет, а кто нет, — сказал Бобров. — Динамовцы поедут, и пятерка «Крыльев Советов» поедет — играют хорошо. А как будет с нами, покажет будущее.

— Да, дела, — вздохнул Бабич. — Надо же такому случиться!

— Но что же случилось? Объясни, — попросил его Бобров.

— Да вот пишут — я виноват, — сумрачно улыбаясь, ответил Бабич.

Бобров взглянул на его лицо, лицо опытного хоккейного бойца, и подумал: «Это в характере Бабича все брать на себя». Ведь это Бабич смело, самоотверженно пытается прорваться сквозь защиту противников, не думая об опасности. Сколько раз с полного разгона мчался он прямо на бортик, сколько раз от резких толчков падал на лед! Бабич — настоящий хоккейный боец, в игре он не знает страха, и владеет им только одно стремление: помочь товарищу, вывести его на верный удар или самому забить шайбу.

С Женей Бабичем Бобров провел свои первые матчи и до сих пор играет с ним вместе. У них много общего в характере, во вкусах, и биографии их тоже очень схожи. Бабич и Бобров — почти ровесники, почти в одно и то же время взяли они в руки клюшки. И у Бабича старший брат, так же как у Боброва, был отличным хоккеистом; и в армию они пошли в одно время, и майорские погоны надели почти одновременно.

«Самоотверженный Макар» — так называют Женю товарищи. И почему он получил это прозвище? По имени отца или, может быть, по поговорке, что на бедного Макара все шишки валятся? Да, во время игры на Бабича обычно валяются все шишки, и вот теперь многие считают, что в неудаче первой пятерки ЦДСА виноват Бабич.

Нет, Бобров не верит этому.

— В неудачах, постигших команду, не виноват никто из нас в отдельности и вместе с тем виноваты мы все, — говорит Бобров. — Виноваты мы в том, что утеряли дружескую связь, стали играть разрозненно, каждый за себя. Вот и получилась дробь вместо единицы. Надо возвращаться к испытанной тактике. Что приносило нам всегда неизменный успех? Слитность? Надо вернуть ее. И как можно быстрее. Да, вопрос о поездке советской команды в Стокгольм решен по-

ложительно. Будем оспаривать первенство мира. Так неужели же наша пятерка не будет первой пятеркой сборной команды страны?..

С этого дня команда ЦДСА не проиграла больше ни одной встречи, но утраченного восполнить не смогла, и уже в Москве, заканчивая борьбу за первенство страны, должна была довольствоваться вторым местом. А когда после ряда международных встреч, проведенных у себя дома и за рубежом, сборная команда СССР, составленная из сильнейших игроков, садилась в самолет, среди них можно было увидеть Всеволода Боброва, Евгения Бабича, Александра Виноградова, Павла Жибуртовича, Виктора Шувалова, их молодых товарищев по команде — защитников Дмитрия Уколова, Генриха Сидоренкова, нападающего Александра Комарова, вратарей Николая Пучкова и Григория Мкртычана. И рядом с ними заняли места в самолете их недавние противники, доставившие армейцам столько неприятных минут, — хоккеисты «Динамо» и «Крыльев Советов», составившие вторую и третью пятерки.

Еще недавно динамовец Кузин забивал в ворота ЦДСА решающую шайбу, сейчас он мирно беседовал с вратарем армейцев Пучковым. Давно ли Бобров с трибуны свердловского стадиона, забыв обо всем, следил за стремительными атаками хоккеистов «Крыльев Советов» — Бычкова, Хлыстова, Гурышева, Кучевского — на ворота его команды, а теперь эти четыре молодых спортсмена ждали совета, поддержки от некоих капитана. Три команды-соперницы стали одной командой, командой СССР.

Много раз приходилось вылетать за рубеж Всеволоду Боброву и его товарищам. Они не раз выступали на ледяных полях Швеции, Чехословакии, Финляндии, но еще никогда не ощущали такой ответственности, как теперь. Ведь то были товарищеские встречи, а сейчас им предстояла борьба с сильнейшими командами за первенство мира. Впервые они должны были встретиться с многократными победителями мирового первенства — канадскими хоккеистами. И сколько бы они ни слышали об этих рослых, сильных, уверенных

в себе играоках, они не могли четко представить себе их подлинную силу. Ну что же, теперь оставалось ждать недолго. Уже сегодня, 19 февраля, они встретятся с канадцами.

Первые, кого они увидели, прибыв в Стокгольм и войдя в гостиницу «Мальме», — неизменный приют для всех спортсменов, посещающих столицу Швеции, — были канадцы. Да, это были действительно спортсмены, словно созданные для хоккея с шайбой, — рослые, как на подбор, широкоплечие, молодые. Они стояли группой в вестибюле гостиницы и смотрели на входящих хоккеистов СССР.

— Ну и здоровы! — сказал Бабич Боброву. — Такой толкнет, через борттик вылетишь!

— Тебе ли бортиков бояться, Макар!

— А я и не боюсь, — ухмыльнулся Бабич.

Новая встреча с канадцами произошла на следующий день. Когда советская команда проводила тренировочные занятия, внезапно на трибунах появились знакомые уже советским игрокам рослые, плечистые парни в легких пальто, с непокрытыми головами. А тут, как на грех, шайбы летели мимо ворот, защитники сбивались, путались, и тренер сборной Аркадий Иванович Чернышев то и дело останавливал тренировку. Минут через десять Бобров увидел, что канадцы двинулись к выходу. Один из них засмеялся и махнул рукой. «Ну что же, пусть считают, что мы играем плохо», — подумал Бобров.

26 февраля команда СССР начала борьбу встречей с командой Финляндии и добилась внушительной победы со счетом 7 : 1. Но чего стоила эта победа после успеха канадцев; ведь они буквально разгромили финнов, забросив в их ворота двадцать шайб. Каждый новый успех советской команды отодвигался как бы на второй план еще более внушительными успехами канадцев. Они подавляли всех мощью атак, и над воротами их противников то и дело сигналом бедствия вспыхивала красная лампочка.

При каждой возможности Всеволод Бобров и его товарищи приходили на стадион и внимательно наблюдали за игрой канадской команды. Конечно, трудно

сравнивать скорость самолета со скоростью хоккеиста. И все же движения игроков по ледяной площадке напоминали бреющий полет самолета. Само снаряжение спортсменов как бы говорило о том, что здесь человеку приходится иметь дело с большими скоростями, что каждый его шаг требует виртуозного «пилотажа», исключительной смелости, молниеносной реакции, а каждая оплошность грозит аварией.

Массивные канадцы казались еще более громоздкими в своих костюмах. Особые козырьки защищали ахилловы сухожилия, мышцы бедра, ключицы, бицепсы. В ткани их костюмов были вшиты фибра, фетр, кожа. Только головы канадцев оставались непокрытыми, в то время как советские спортсмены играли в кожаных шлемах.

Здесь, в Стокгольме, на льду Королевского стадиона, поединки хоккеистов довольно часто напоминали схватки борцов, а иногда по темпу и обилию обманных движений походили на бокс. На лед выезжали свежие, полные сил, отлично тренированные спортсмены, но уже через две-три минуты они покидали поле, изнемогая от усталости.

Чем больше проходило игр, чем больше накапливалось наблюдений, тем лучше понимали Бобров и его друзья, в чем заключается главный козырь канадцев. Он был в скорости, которая превышала скорость остальных команд. Никто не умел в таком темпе провести комбинации, так четко в одно касание передать шайбу.

Все они думали о встрече с канадцами, но важно было до этой встречи победить шесть команд, а почти каждая из них представляла грозную силу. Огромных усилий потребовала победа над чехословацкими хоккеистами, а после матча Швеция — СССР уже мало кто сомневался в том, что канадцы сохранят за собой титул чемпиона мира.

Матч со Швецией начался в одиннадцать часов вечера под низким небом, грозящим снежной бурей. Шла напряженная борьба. Одна за другой выходили на поле пятерки, но все броски нападающих отражала шведская защита и вратарь. Все силы прилагал Бобров к тому, чтобы забить шайбу, но его прочно закрыли два

защитника. В то же время шведам удалось сделать неожиданный и меткий бросок, и шайба влетела в наши ворота. Под оглушительный рев зрителей, которыми дирижировал служитель стадиона, вооруженный жезлом, на башне появляется цифра 1.

— Тумба! Тумба! Тумба! — кричат с трибун.

«Тумба» — это прозвище Свена Юханссона, самого популярного в Швеции игрока, и это прозвище стало призывным лозунгом атак.

Теперь советскую команду атакуют не только шведские хоккеисты, не только тысячи зрителей, но и само небо. Начался дождь, перешедший в град, и тут же повалил снег. В одно мгновение ледяная поверхность поля была покрыта рыхлым снегом, затрудняющим движения. Черная шайба все чаще терялась в снегу. Пришлось даже на несколько минут прервать игру для того, чтобы расчистить лед, но снег все валил и валил, и, когда команды снова начали состязание, играть стало еще труднее. Резиновый кружок то и дело исчезал из поля зрения нападающих, а шведы всей командой перешли в защиту, стремясь во что бы то ни стало сохранить счет. Это были минуты величайшего напряжения. Еще никогда Боброву и его товарищам не приходилось играть в такой обстановке.

— Женя, рискнем, — сказал Бобров на ходу Евгению Бабичу и махнул рукой, призывая за собой товарищей.

«Все вперед!» Играет первая пятерка. Никаких замен! И, вопреки хоккейному «регламенту», первая пятерка последние минуты играла без передышки, играла, несмотря на усталость. «Все вперед!» — призывал товарищей Бобров, устремляясь к шведским воротам, проталкивая шайбу, вступая в поединки с мощными защитниками Швеции. И вот в тот момент, когда, казалось, все потеряно, Боброву удалось перебросить шайбу Шувалову, тот послал ее в угол ворот, и она исчезла в сугробе.

До тех пор, пока судья не раскопал снег, не было ясно, забит гол или нет. Но вот черный кружок появился, и все увидели, что он застрял в сетке ворот. Шайба забита! Счет 1:1.

Команда СССР ушла от поражения, но не добилась победы. Ничья лишила советских хоккеистов важнейшего очка. Перед последней решающей игрой с канадцами команда СССР имела меньше на очко, и, таким образом, только победа могла принести ей первое место. В то же время команде Канады достаточно было ничьей, чтобы выиграть мировое первенство.

Да, здесь, на хоккейном поле стокгольмского стадиона, в точности повторялась ситуация вошедшей в историю футбола игры ЦДКА — московское «Динамо». Канадцам для победы, как и в свое время динамовцам, достаточно было ничьей.

Для игроков матч начинается значительно раньше, чем для зрителей. Кто сказал, что хоккейная встреча длится один час чистого времени? Для тех, кому предстоит провести ее, она длится долгие часы. Она начинает поглощать силы задолго до тех решающих минут, в которые потребуется выложить эти силы все, без остатка.

— Только бы забить канадцам первый гол. Тогда покажем настоящую игру, — сказал Бобров своим товарищам, выезжая через распахнутые ворота на площадку, где уже выстраивались канадцы.

И вот звучит судейский свисток. Клюшка Боброва столкнулась с клюшкой Галанда. Шайба вошла в игру.

То, что произошло вслед за этим, не сразу дошло до сознания зрителей. В одно мгновение русские нападающие оказались в зоне защиты своих противников. Вот шайба уже летит в ворота, и вратарь едва успевает преградить ей путь. Атака следует за атакой, скорость нарастает молниеносно, комбинация сменяется комбинацией, и ошеломленные канадцы отбивают шайбу куда попало. Русские пятерки наступают во всю ширину поля. Советские игроки сталкиваются грудь с грудью с канадцами, на толчок отвечают толчком, стремительно маневрируют. И все же результата нет.

Вот на смену выезжает третья пятерка, меняют свой состав и канадцы, но темп игры не уменьшается. Хлыстов и Гурышев не менее опасны, чем Бабич и Бобров.

Идет пятая минута игры. Мгновенная передача, и Гурышев забивает гол. Он встречен полнейшим молча-

нием. Игра еще впереди, и зрители по-прежнему не верят в победу русских.

Все резче, грубее играют канадцы. Судья удаляет с поля одного из них. Снова замена. На льду первая пятерка СССР. В защите — Уколов, Кучевский, в нападении — Шувалов, Бабич и Бобров. На одиннадцатой минуте Шувалов забивает вторую шайбу.

Гробовым молчанием встретил стадион и этот гол.

Канадцы стремятся вывести шайбу из своей зоны, но она тут же возвращается снова к их воротам. Вратарь Дон Локкарт играет великолепно. Он то и дело отбивает четкие, казалось бы неотразимые, броски. Но вот Бобров, получив шайбу от Бабича, прорывается к воротам. Локкарт устремляется ему навстречу, и тут-то следует неотразимое обманное движение лидера атак. Вратарь оказывается в стороне, а Бобров коротким спокойным движением вгоняет шайбу в пустые ворота. Вот когда впервые дрогнули трибуны, дрогнули и разразились аплодисментами. Видимо, только теперь до зрителей дошла истинная картина схватки. Канадцы проигрывают! Канадцы растеряны! Они не могут справиться с русскими! И, как бы подтверждая это, вперед устремилась третья пятерка. Бычков с подачи Гурышева забил четвертый гол. А когда Шувалов забил пятый гол, тогда-то и началось!

— Бобров! Шу-ва-лов! — заревели трибуны. — Бобров! Шу-ва-лов! — И эти крики не смолкали больше уже ни на минуту.

На поле вторая пятерка СССР. Кузин атакует канадские ворота и забивает шестую шайбу, а еще через пять минут Кучевский довел счет до семи.

Так закончился матч, который еще долгое время во всех подробностях описывали газеты. Шведская столица в тот день говорила только о русских хоккеистах и обсуждала невиданный разгром канадской команды. У всех на устах были фамилии игроков СССР. Об одном из них, капитане сборной команды Всеволоде Боброве, и говорил Томас Кемпбелл.

...Есть особого склада русские лица — мягкий овал, курносый нос, светлые добрые глаза. В спокойной обстановке такой человек кажется неторопливым уваль-

нем. Но в минуту опасности он мгновенно преображается. Яростные искорки вспыхивают в его зрачках, твердеет рот, движения становятся собраннее, точнее, и ничего ему не страшно, он грудью идет вперед, напролом. Таков Бобров. В обычной обстановке он производит впечатление человека неторопливого, мягкого, но в игре совершенно меняется, становится бесстрашным, стремительным, и его железная воля подчиняет себе товарищей. На его рывок, обладающий какой-то взрывной силой, не успевают ответить рывком самые опытные защитники. Широкий накатистый шаг несет его вперед, он хорошо видит поле, видит все молниеносные изменения обстановки, успевает мыслить на самых предельных скоростях.

Таким и запомнил капитан канадской команды советского игрока, официально признанного лучшим хоккеистом мирового чемпионата.

II

Совсем летнее солнце и хрустальной прозрачности лед, розовые вершины Доломитовых Альп и глубокие, пушистые снега, широкие окна дорогих отелей, открытые настежь в синее небо, и полицейские заставы, преградившие все дороги, ведущие к олимпийскому стадиону, — так выглядела арена предстоящей спортивной борьбы в районе маленького итальянского городка Кортина д'Ампеццо в последних числах января 1956 года.

В тени пятнадцать градусов мороза, на солнце десять градусов тепла.

Все пять континентов послали на зимние Олимпийские игры своих лучших лыжников, конькобежцев, хоккеистов, и, обгоняя их и торопясь за ними вдогонку, стекались в Кортина д'Ампеццо многочисленные болельщики — одни по велению своего сердца, другие по велению моды. По узким улицам, убранным флагами почти всех стран и пятью скрещенными кольцами — олимпийской эмблемой, катился бесконечный поток нарядно одетых людей. В этой пестрой и оживленной толпе даже пожилые дамы предпочитали легкой город-

Капитан сборной СССР Всеволод Бобров (слева)

Первенство мира 1954 года. В. Бобров атакует канадские ворота.

ской обуви тяжелые горнолыжные ботинки; меховыми шубками — легкомысленные, почти невесомые лыжные курточки, а юбкам — спортивные брюочки всех цветов радуги. Мужчины преклонных лет сменили трости на лыжные палки, и на крышах почти всех автомашин установлены были в специальных зажимах тяжелые, пестро раскрашенные слаломные лыжи.

Газеты каждый день сообщали о прибытии титулованных и коронованных особ, богатых туристов, знаменитых киноактрис, финансовых и промышленных тузов Нового и Старого Света, и полицейские власти, опасаясь грозного, как сугговская лавина, наплыва непрощенных туристов, проверяли пропуска у машин.

По утрам городок был чинно чист, благонамеренно пустынен, словно через несколько дней здесь не должна была начаться северная фиеста — праздник силы и бесстрашения. Большая часть будущих зрителей еще спала после приятно проведенных вечерних часов, другая часть занималась горнолыжным спортом на ближних склонах или наблюдала за тренировками спортсменов. Потом на чисто подметенных улицах раздавался тяжелый топот горных ботинок, и с окраин города к его центру надвигались любители горнолыжного спорта, возвращающиеся домой с тяжелыми лыжами, крест-накрест возложенным на плечи. Затем проносились автобусы и машины спортсменов, торопящиеся в свои резиденции на завтрак, и вот уже в шезлонгах, выставленных на террасах отелей, появлялись их обитатели. Занимались кругленькие столики, покрытые цветными скатертями, установленные, как летом, прямо на тротуарах, и аромат свежего кофе смешивался с запахом снега.

Часам к двенадцати на улицах Кортини начиналось гуляние. Рядом со светло-синими полупальто и пыжиковыми шапками советских спортсменов можно было увидеть черную сутану аббата с олимпийским значком на груди, американских хоккеистов в белых пальто и пламенно-красных плюшевых ушанках, финских лыжников в своих неизменных синих макинтошах. Слышалась английская, французская, испанская, немецкая, итальянская речь. Любители автографов и спортивных

значков начинали свою охоту, а к дверям отелей подкатывали все новые и новые машины с номерными знаками всех стран Европы, и итальянские парни тащили наверх чемоданы, саквояжи, целые связки лыж.

В дни, предшествующие открытию Олимпийских игр, нарастающее напряжение постепенно сменяло неторопливое течение провинциальной жизни маленького городка. Особенно чувствовалось это в стенах отеля «Савоя». Там поселились спортивные журналисты, и за зеркальными окнами первого этажа работали уже поточные линии телетайпов, связавшие Кортина д'Ампеццо с крупнейшими редакциями газет и телеграфных агентств разных стран, а в комнате пресс-бюро хорошеные секретарши заполняли разноцветными листочками бюллетеней и нарядными рекламными проспектами металлические ящики именных корреспондентских сейфов.

В холле отеля «Савоя», установленного мягкими креслами, в те дни часто сходились спортивные репортеры, хорошо знающие друг друга по многочисленным соревнованиям в различных странах. Пока дело ограничивалось тренировками и визитами в спортивные резиденции, они делили свободное время поровну у стойки бара и в креслах холла, делясь своими прогнозами, сплетнями и впечатлениями. На этой бирже новостей, еще не выпущенных на газетный рынок, сталкивались самые различные точки зрения. Репортеры финских газет считали, что их собратьев по перу не может не интересовать самочувствие великого Вейко, как они фамильярно и в то же время подобострастно называли финского лыжника Хакулинена. Шведы только и говорили о шансах Сигге Эрикссона в борьбе с конькобежцами СССР. Французы, итальянцы, шведы и австрийцы убеждали всех, что единственный настоящий интерес представляет только «боб» (так они запросто называли бобслей) да еще слалом и скоростной спуск, — недаром же зимние олимпиады устраиваются в горах, где есть откуда спускаться со скоростью сто километров в час. Американские спортивные обозреватели преувеличивали прелести фигурного катания. И только в од-

ном все сходились единодушно: номером один Белой олимпиады станет, конечно, хоккейный турнир. «О, хоккей будет «де люкс», «итс грейтс», «прима», «ферстклас», «экстра», — раздавалось на всех языках, и воодушевленные проявленным единодушием журналисты начинали взвешивать шансы возможных победителей олимпийского турнира.

Впрочем, множественное число в разговорах о будущих победителях употреблялось не часто. Знатоки, среди которых председательские места занимали специальные обозреватели, сделавшие хоккей своей журналистской специальностью, не сомневались в том, что олимпийские медали, а вместе с ними и золотые медали чемпионов мира завоюют канадцы.

Утром 23 января, получив, как обычно, утреннюю почту и перелистывая свежие газеты, несколько журналистов особенно внимательно прочли корреспонденцию в спортивной французской газете «Экип». В ней подробно говорилось о недостатках в игре советских хоккеистов. Корреспондент сообщал, что русские трудно входят в быстрый темп игры, плохо реагируют на игру корпусом, не умеют бить издалека по воротам, новые игроки еще не привыкли к действиям старых, и вся команда слишком рассчитывает на своего лидера Боброва.

Среди собравшихся это вызвало горячие споры.

— Да следили ли вы за Бобровым в этом году? — сердито потряхивая седым хохолком, наступал на двух представителей «Экипа» маленький сухонький старишок, всю жизнь потративший на поездки с одного соревнования на другое. — Ведь он почти не играл после того, как получил повреждение в Лондоне. Вы все еще живете стокгольмскими представлениями. Но первенство мира пятьдесят четвертого года было лебединой песней этого замечательного хоккеиста.

— Тем хуже для команды, которая все еще делает ставку на него, — сказал, позевывая, коротко остриженный под бобрик американец в клетчатой ковбойке с расстегнутым воротом.

— А кто вам сказал, что русские на него рассчитывают? — взорвался старишок. — Это же опасное за-

блуждение, предупредите свою команду, пока не поздно... Они там читают «Экип»? Наверное, читают! Предупредите. И кто видел новых русских игроков, которые не привыкли к действиям старых?.. Они же все уже играли и в Швеции и в Германии. У них отлично слаженные пятерки, и неизвестно сейчас, какая сильнее: первая, вторая или третья.

— Не волнуйтесь, дорогой коллега, — сказал один из французов, загорелый красавец, большую часть дня проводящий на лыжах. Он и сейчас все поглядывал в окно, дожидаясь машины, чтобы ехать к трассе скоростного спуска. — Нам недолго осталось ждать, и вы увидите, что Бобров не отказался от попытки быть лучшим в команде. И пусть это тревожит русских, а не нас.

— Как не нас, как не нас! — снова зачастил старишок. — В наше время мы привыкли отвечать за достоверность своей информации. Мы волновались, когда брались за перо. Да, да, волновались! Мы знали, что нам верят, что от наших оценок, от наших выводов зависят репутации, зависят победы. Бобров кончился, понимаете вы это, а вы пишете, что на него делают ставку. Это плохая услуга, очень плохая.

— Но почему же вот так и кончился? — по-прежнему невозмутимо спросил американец. — Может быть, он просто бережет силы, раз их уже стало меньше.

— Что он говорит, этот несчастный человек, послушайте, что он говорит! — снова закричал старый репортер, апеллируя уже не только к своим собратьям по перу, но даже к портре, маневрирующему за своей стойкой в окружении ключей, писем и невостребованных еще газет. — Бобров бережет силы! Да одна эта мысль оскорбительна для такого человека, как он! Бобров должен быть уверен в своем превосходстве, в своих возможностях! Он должен свято верить, что остается хоккеистом номер один, корифеем, лидером. Как только он убедится в том, что больше не хозяин команды, ему конец. И он в этом уже убедился, или его убедили канадцы прошедшей зимой. То или другое не столь уже важно. Это видят все, в том числе и сами русские. Его не ставят на игры. Он просто почетный капитан команды, когда-то под его руководством случайно выиграв-

шей первенство мира. Вот и все, а «Экип» пишет, что советская команда слишком рассчитывает на своего лидера. Де-зо-риен-тация! Вот как это называется на нашем профессиональном языке.

— Не хотите ли решить этот спор с самим Бобровым? — спросил вдруг француз с невозмутимостью истинного горнолыжника. — Он только что прошел мимо нашего отеля.

— Бобров? Где Бобров? — вскочил старый репортер, вскакивая с места.

Все кинулись на улицу. И Бобров, гуляющий вместе с Бабичем, внезапно оказался окруженным журналистами.

— Мистер Бобров, два вопроса, — решительно заявил старый репортер, мгновенно занимая самую удобную позицию. Он довольно правильно говорил по-русски, и только те, кто только что слушал его скороговорку, смогли понять по длительности его речи, что каждая фраза стоит ему немалого труда. — Можно? Благодарствую... — И он, потрясая газетой, сказал: — «Экип» считает недостатком вашей команды то, что она слишком рассчитывает на ваши силы. Согласны вы с таким заявлением?

Бобров, привыкший к напористости и бесцеремонности иностранных репортеров, и бровью не повел, выслушав старишку.

— Наша команда рассчитывает только на одно, — ответил он, — на свои силы, и если вам недостаточно моего мнения, то его может подтвердить мой друг Евгений Бабич.

— О, нам совершенно достаточно вашего авторитетного мнения, — поспешил его заверить старишок и торжествующе поглядел на своих коллег, предоставивших ему полную инициативу. — В Стокгольме вы были признаны лучшим в своей команде. Как вы оцениваете свои силы теперь?

— Об этом судить не мне, — ответил, улыбаясь, Бобров. — Нам и вам осталось ждать недолго. Игра покажет.

— Отличный ответ, — восхитился старишок, — очень отличный ответ! В таком случае разрешите мне пре-

высить установленную норму и задать еще один вопрос.

— Пожалуйста.

— Какую пятерку своей команды вы считаете самой сильной? Конечно, первую?

— Все наши пятерки одинаково сильны, господа, и вы, надеюсь, в этом убедитесь, — сказал Бобров и двинулся дальше по улице.

— Вот, Евгений, — сказал Бобров, когда они отошли подальше от отеля «Савоя», — если бы два года назад меня спросили, какая из наших пятерок сильней, я ответил бы так же, как и сегодня, но про себя подумал бы: «Конечно, наша, первая». А сейчас мы стали играть слабее или молодежь сильнее — не знаю, но мы все равны.

— Да, Всеволод, старишка пытались прижать тебя к самому борту, — сказал Бабич. — Что ему было нужно?

— Судя по всему, дело в какой-то заметке. Он все газетой размахивал... Постой, постой!.. С чего он начал?.. Мои силы, — и, сразу помрачнев, скав губы, заключил: — Все ясно. Хоронят! Вот чего им надо от меня. Списать хотят в резерв. Надеются, что не тот уже Бобров, что был в Стокгольме.

— Да что ты, Всеволод, с чего ты это взял? — попытался изобразить удивление Бабич. Он хорошо знал уязвимое место своего друга.

Кто из спортсменов не думает о неизбежном конце и кто может с этим примириться? И поэтому, думая о нем, сознавая всю неизбежность его, каждый спортсмен отодвигает свой уход со спортивной арены в какое-то очень далекое абстрактное будущее, и чем это будущее ближе, тем оно кажется дальше. И вдруг (здесь никогда не обходится без «вдруг») вот он, где-то совсем рядом, оказывается, конец спортивного пути.

Казалось бы, что могло тревожить Боброва после блестательной победы в Стокгольме? Он был признан лучшим нападающим мирового чемпионата, и ему хотелось вспоминать уже прошедшие схватки, а не думать о будущих. Но как о них не думать, если тут же, сразу после победы, надо было готовиться к новой встрече

с канадцами. Канадская пресса немедленно зазвонила во все колокола о национальном бедствии. Газеты писали, что команда «Линдхэрст» из Торонто, на базе которой была сформирована команда, выступавшая в Стокгольме, значительно слабее других и что на первенство мира 1955 года должна быть послана команда с самым сильным составом игроков. Потом из-за океана пришло сообщение: против русских будет выставлена команда «Пентинктона», победительница кубка Аллана и национального первенства. Журналисты жаловались, что не могут установить, какими игроками будет усилен «Пентинктона», так как все заседания хоккейной ассоциации проходят при закрытых дверях, но им досконально известно: стоит вопрос о покупке нескольких русских хоккеистов и в первую очередь Боброва.

А советские хоккеисты, несмотря на то, что уже было в разгаре знойное лето и шли подготовительные тренировки к новому сезону, к новой встрече с канадцами, все еще мысленно возвращались к зимнему Стокгольму, к борьбе, которую они вели там с канадцами. Что-то их ждет на льду Крефельда, Дортмунда, Дюссельдорфа, трех городов Федеративной Республики Германии, где они должны будут встретиться с «Пентинктоном». Сможет ли Бобров остаться лидером своей команды, имея за плечами еще один прожитый год, и год нелегкий, а перед собой сильнейших хоккеистов Канады — страны, четырнадцать раз увозившей золотые медали чемпионов мира?

Много придется провести изнурительных тренировок, игр на первенство страны, международных матчей. Хватит ли на это сил? А из Канады приходили все новые и новые сообщения. Тренером «Пентинктона» назначен Грат Уорвик, бывший игрок сильнейших профессиональных команд американо-канадской лиги. Вместе с двумя своими братьями, Диком и Биллом, он составит первую тройку нападения. В команде много бывших профессионалов, имеющих огромный опыт, мастеров резкой силовой игры, быстрых и неутомимых. Значит, надо быть готовыми к самой тяжелой, самой изнурительной борьбе, а для этого необходимо трудиться и трудиться, не жалея сил.

И Бобров тружился с молодежью наравне. Он внес немалую лепту в победу своей команды на розыгрыше первенства страны, забив наибольшее число шайб — двадцать пять, он участвовал в целом ряде ответственных международных состязаний, и, казалось бы, все его опасения были напрасны. Но когда началось мировое первенство и советская команда двинулась в свой победный путь, не отставая ни на одно очко от канадцев, Бобров почувствовал, что с каждой игрой убывает его свежесть. Напряжение исключительно насыщенного соревнованиями сезона давало себя знать. Все труднее было ему держать в руках все нити борьбы, вступать в игру в самые острые моменты матча, все меньше сил прибывало в короткие минуты отдыха, а минуты игры казались все длиннее. Со стороны это, может быть, и не было заметно: Бобров по-прежнему оставался Бобровым, он организовывал атаки, забивал шайбы, поддерживал молодежь и на поле и на скамье во время отдыха, и, может быть, только Бабич и Шувалов видели, как трудно приходится их капитану.

Особенно тяжело далась Боброву и Бабичу игра с командой США. Советские хоккеисты впервые встретились с американцами, с их грубой, подчас просто опасной игрой. И, как уже повелось издавна, все шишки посыпались на Макара. Один из американских нападающих, видимо обозленный бесстрашием и спокойствием Бабича, внезапно со всего размаха ударили его клюшкой по руке. Бабича унесли с поля, а Бобров хоть и закойчил матч, выигранный нашей командой, в следующей игре с немцами, так же как и Бабич, не мог выйти на поле.

Но 6 марта, в день решающей, последней встречи с канадцами, все были на своих местах, готовые все отдать для победы. Советские хоккеисты с первых же секунд бросились в атаку, все усилившая и усиливая напор, но шайбу забили канадцы. Новый штурм — и вторая шайба рикошетом от конька влетела в ворота Пучкова. Что произошло дальше, стало ясно не сразу. Бобров чувствовал, что игра пятерок расстраивается, теряет свою целеустремленность, что нужно подать пример остальным, забить хотя бы одну ответную шайбу, но

первая пятерка вела изнурительную борьбу с тремя братьями Уорвик, и на это уходили все силы. Где же тут поддерживать другие пятерки! И вот результат — 5 : 0, разгром, полнейшее торжество «Пентинктона».

Завоеванное первенство Европы, серебряные медали в первенстве мира — ничто не могло смягчить горечи неудачи, ничто не могло заглушить мысли, что канадцы добились своего и могут торжествовать. Национальными героями вернутся они на родину. И кому интересна полнейшая убежденность Боброва и его товарищей, что этот матч они могли бы выиграть, если бы не потеряли головы, сохранили бы слитность усилий, коллективную волю? Кому интересна мучительная мысль, преследующая капитана советской команды, что ему, может быть, не придется больше в новой схватке с канадцами бороться за право считаться сильнейшими в мире? Неужели пора снимать капитанскую повязку, передавать ее тому, кто может вместо него стать вожаком упряжки? Неужели пришло это «вдруг»?

Вернувшись домой, Бобров с необычным для себя волнением ждал начала подготовки к новому сезону, к новой встрече с канадцами на зимних Олимпийских играх в Кортина д'Ампеццо. Эта подготовка началась еще летом, без излишней шумихи. Всесоюзная хоккейная секция не объявляла о своем намерении перекупить нескольких игроков «Пентинктона» и не грозилась взять в Кортина д'Ампеццо реванш за свое поражение в Крефельде. Снова Аркадий Иванович Чернышев, тренер команды «Динамо», принял в свои руки бразды правления в сборной команде страны, и снова игроки трех клубов — три лучшие пятерки из соперников превратились в соратников. Они тщательно, скрупулезно изучали уроки своего поражения и намечали план подготовки к встрече с командой «Китченер датчмен», победившей «Пентинктон» в борьбе за кубок Аллана и этим завоевавшей право представлять Канаду на Олимпийских играх.

В печати было объявлено, что «Китченер датчмен» является лучшей командой Канады за последние тридцать четыре года, а старый знакомый советских хоккеистов — один из трех братьев Уорвик — Билл

заявил, что канадская команда легко выйдет на первое место. Ко всем этим отрывочным сведениям, охотно распространяемым в европейских газетах, конечно, следовало прислушаться. Вывод был сделан один: надо готовиться к встрече с командой, которая может действительно оказаться сильнее «Пентинктона».

Бобров не смог сразу включиться в тренировки: шли экзамены в академии, но связи с товарищами он не терял, знал, что делает команда, и не без его совета решено было до Олимпийских игр трем командам — ЦДСА, «Динамо» и «Крылья Советов» — на первенстве страны не выступать, ограничившись тренировками и международными встречами. Решено было также провести несколько матчей с английскими профессиональными командами, составленными из канадских игроков. Это давало возможность лучше познакомиться с приемами силовой борьбы, с тактической манерой канадцев, и хотя встречи с профессионалами опасны были тем, что могли вывести некоторых наших игроков из строя, но зато команда в ходе игр приобретала неоценимое преимущество: уверенность в том, что сможет противостоять олимпийской канадской команде. Так лучше уж потерпеть, пойти на риск, и это оккупится с лихвой в Италии. Словом, решено было действовать по знаменитому суворовскому изречению: «Тяжело в учении, легко в бою».

В начале октября команда, отлично подготовленная физически, сплоченная за дни совместных тренировок, выехала в Германскую Демократическую Республику и после тщательной подготовки на искусственном льду в Берлине провела в Англии три встречи с командами «Рейсерз» и «Уэмбли Лай».

Достаточно было взглянуть на этих хоккеистов, чтобы представить себе стиль их игры. Все их снаряжение было очень прочным — клюшки, толстые налокотники, трусы с набедренниками, перчатки. Вес их костюмов достигал восьми килограммов, и, затянутые в эти хоккейные доспехи, они казались еще более широкоплечими, могучими, словно гранитные скалы, поставленные на узкие лезвия коньков. И эти люди-скалы обладали ловкостью акробатов, смелостью боксеров, метко-

стью снайперов. Для них не было никакого сомнения, что они раздавят в лепешку посмевшую вступить с ними в единоборство команду легковесов.

И надо сказать, что игроки Англии все сделали для того, чтобы добиться успеха, не останавливаясь перед применением самых грубых и опасных приемов, стремясь подавить советскую команду яростью своих атак, опасной меткостью своих бросков. В этой игре серьезное повреждение получил Всеволод Бобров, но игра закончилась со счетом 11 : 1 в нашу пользу.

Через день состоялась вторая игра, и, усвоив главные преимущества своих противников, английские хоккеисты забили подряд четыре шайбы. Бобров со скамьи видел неистовый напор «Рейсерза» и снова, как год назад в Свердловске, наблюдал штурм «Крыльев Советов», думал: «Неужели можно отыграться, сквитать такое число голов?» Но его друзья не только сквitalи шайбы: они забили пятый гол.

Это была победа огромного значения. Она показала, что команда монолитна, что ее теперь не так просто выбить из колеи, как это удалось «Пентинктону». А когда была выиграна и третья встреча, во время которой сильно пострадали Хлыстов и Уваров, английские канадцы должны были признать, что советская команда будет грозным соперником их земляков из «Китченер датчмен».

— Вы хорошие ребята, — говорили канадские профессионалы, — но вам не хватает резкости.

— Зато у вас она наблюдается в избытке, — отвечали советские хоккеисты, — и результат налицо: у нас не осталось ни одного полного состава ни в одной из трех наших пятерок.

— О, мы еще играли аккуратно! — убеждали их хоккеисты «Рейсерза». — Парням из «Китченер датчмен» наш матч показался бы партией в шахматы. Увидите сами в Кортине, что значит настоящая резкость. Ничего не поделаешь, хоккей — мужская игра.

Ну что ж, советским спортсменам оставалось поблагодарить хозяев поля за предупреждение. Во всяком случае, они знали, на что шли, решившись на встречу с профессионалами. Однако надо было решать, что

делать дальше. В Париже их уже ждала сборная команда канадцев, живущих в Европе. Не отказываться же от матча. И вот двадцать тысяч зрителей наблюдают игру сборной СССР, ревом встречая каждый удар, каждую схватку. А когда от броска одного из канадцев Бабич вылетел за борт, прямо в публику, вопль восторга пронесся по рядам. Да, это была отличная «обкатка», хорошая проверка на прочность, и, несмотря на травмы, полученные многими игроками в матчах в Англии, игра в Париже также закончилась в нашу пользу.

А потом был Стокгольм — игры со шведами и знакомой уже английской командой «Рейсерз» на кубок Ахерна, и там выбыл из строя Кузин, растянув ногу. Потом была серия игр в Москве со второй сборной Чехословакии, со швейцарцами, западными немцами и англичанами, потом была Вена и игра с австрийской сборной, потом Швейцария и три матча в Лозанне, Цюрихе, Берне. И все эти бесконечные встречи, все эти игры, из которых всего одна закончилась поражением, — со шведской сборной, потому что после Лондона и Парижа почти никто не мог играть в полную силу, являлись только подготовкой к встрече с чемпионами мира — канадцами.

14 января советская команда из Швейцарии приехала в Кортина д'Ампеццо, чтобы за оставшиеся две недели привыкнуть к разреженному воздуху высокогорного курорта, и провести несколько тренировочных игр.

Делегация СССР поселилась в уединенном отеле «Тре крохи», стоящем одиноко на перевале в шести километрах от городка. Над современным, вполне комфортабельным зданием отеля нависали розовые склоны Доломитовых Альп, присыпанные снегом, горные леса окружали его со всех сторон, и в снегу перед отелем стояли потемневшие от морозов и дождей три деревянных креста — по-итальянски «тре крохи».

Три пятерки советских хоккеистов отдыхали здесь душой, но, увы, не телом. Их тела еще болели и ныли от ударов и толчков, полученных во время «испытательных полетов», как кто-то назвал матчи в Париже

и Лондоне. Ушибы и ссадины надо было залечить как можно скорее, и в Кортина д'Ампеццо была для этого выделена одна из многочисленных курортных клиник. Туда на сеансы физиотерапии, массажа и ванн приезжали из «Тре крохи» советские хоккеисты. По дороге в клинику иностранные журналисты и перехватили Боброва. Теперь, после летучего интервью, терзаемый мрачными мыслями, он шел, изливая свою душу Бабичу.

— Хоронят! Думают, что я уже не тот, — говорил он. — Хотели поймать меня врасплох. Представляешь, с какой скоростью кинулись бы они к телеграфу, если бы я дал им для этого повод. «Бобров уступает капитанскую повязку!» Но если мы и стали послабее, то Крылов, Кузин, Уваров сильнее. Мы кое-что передали им. Что с того, что раньше наша первая пятерка играла лучше остальных двух? Зато теперь все три пятерки — первые. Правильно я говорю?

А Бабич, давно уже привыкший понимать своего друга с полуслова, с полудвижения, знал, что Бобров спорит не с журналистами, а с самим собой. Он, когда-то считавший, что вся команда должна играть на него, что все должны двигаться к победе по проложенному им курсу, теперь верил в то, что его сила в силе всех трех пятерок, что в общей коллективной победе, если ее удастся завоевать, будет и его личная победа.

И, словно подтверждая мысли Бабича, Бобров вдруг остановился посреди людного перекрестка и, возвышаясь над нарядной толпой, показал на олимпийскую эмблему — пять разноцветных скрещенных колец, протянутую над улицей.

— Вот так сейчас слиты три наши пятерки — попробуй разъедини их... Эх, не догадался я так сказать журналистам! — И тут же, взглянув на часы, заторопился: — Пошли, Евгений, пора лечить наши старые кости.

III

Пять дней уже пыпал олимпийский огонь над ледяным стадионом. Вошла в свое широкое русло борьба на лыжне, ледяных дорожках высокогорного озера Мизурина, снежных склонах Доломитовых Альп.

При свете солнца спортсмены боролись за победу, а вечером, при свете луны, пожинали плоды своих усилий, получая на олимпийском стадионе завоеванные медали. Уже гремели в эфире и со страниц газет многократно повторенные на всех языках мира имена новых олимпийских чемпионов, а у хоккеистов турнир только вступал в свою решающую фазу.

После соревнований в трех подгруппах в финальную борьбу вступили шесть лучших команд. Игры проводились по вечерам, и в перерыве хоккеисты видели, как внезапно гасли лампы, погружая переполненный стадион в темноту, как сразу со всех сторон к трибунам подступали Альпы, на снежных вершинах которых резвились серебристыми змейками прожекторные лучи. Потом, словно с удвоенной силой, вспыхивал олимпийский огонь, и в лунном полумраке у подножия трибуны почета выстраивались герольды в средневековых костюмах. Под нежные звуки фанфар на трибуну почета поднимались победители. Каждый день хоккеисты видели, как вручались олимпийские медали, и каждый из них, наверное, не раз задавал себе вопрос: «Какая хоккейная команда поднимется на эту трибуну за желанной наградой?»

Близка была от ледяного поля эта трибуна, но как далек, как труден путь к ней! Позади у советских хоккеистов победы над командами Швеции и Федеративной Республики Германии; полчаса назад закончилась эта игра, но три пятерки не уходят со стадиона. Разве могли Бобров и его товарищи не смотреть матча Канада — США? Ведь впереди решающие схватки с этими основными претендентами на олимпийское и мировое первенство! Через несколько дней они увидят этих рослых сильных людей уже не с трибун, издалека, не с безопасной и безмятежной позиции зрителей, а рядом с собой на льду, в вихре атак, в яростных столкновениях. Сегодняшняя игра для советских хоккеистов так важна, что их и зрителями назвать трудно. Они скорее разведчики, изыскатели. Им важно в пылу стремительных схваток, которые сейчас разгорятся, уловить самые существенные, самые решающие черты в характере каждого игрока той и другой команды. От этого зави-

сит очень многое. Сегодня, как никогда, важно запечатлеть в памяти, как завязывает атаки лучшая канадская пятерка; в какой момент любит бить по воротам прославившийся в предыдущих матчах американец Джон Маясич; окончательно уяснить себе, в чем сила основного защитника Канады капитана команды Джека Маккензи и каковы основные достоинства американского вратаря.

Бобров знает, как важно заранее уловить все достоинства и недостатки противника. Пока все идет хорошо, пока он чувствует пульс своей команды, правильно выбирает позицию не только в игре, но и вне игры, объединяя товарищей, обдумывая вместе с ними дальний план действий. Благополучно прошли предварительные и первые финальные игры, а во второй встрече со Швецией, в finale, первая пятерка побратски разделила с третьей пятеркой четыре забитые шайбы: две — Шувалов и Бобров, две — Гурышев. А разве плохо прошла только что закончившаяся встреча с немцами — восемь забитых шайб? Хорошо поработали все три пятерки, и снова Бобров и Шувалов забили по шайбе. Плохо то, что выбыл из строя Кучевский, говорят, сотрясение мозга. Это ослабит защиту. А может быть, Сидоренков сможет его заменить?

Мерно колышется стадион в ритме звучащей в воздухе джазовой мелодии — с ноги на ногу, с ноги на ногу: сильные морозы прорвались и в Италию. Ежатся зрители с накинутыми на плечи пледами, надвинув шапки на самые уши, и только на дорогих местах люди спокойно нежатся под инфракрасными лучами, не чувствуя холода. Матово-серебристой белизной сверкает лед хоккейного поля, замерли на втором ярусе канадские болельщики, а над ними гортанным ревом, звоном колокольчиков американцы встречают появление своей команды.

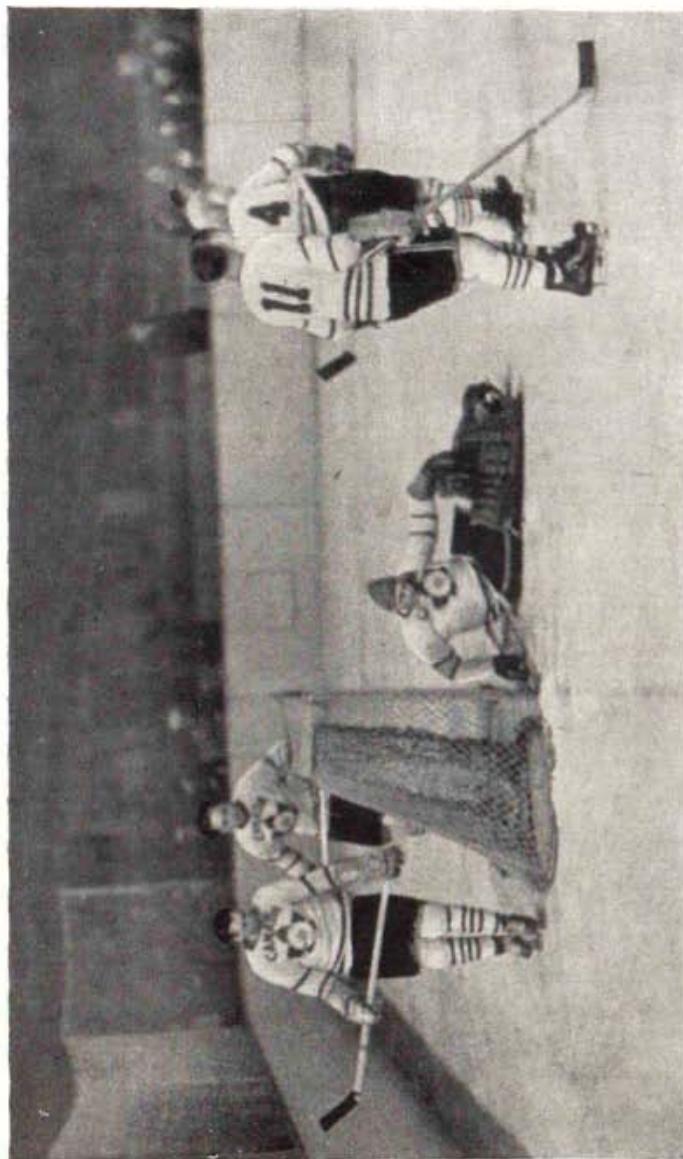
Прижалвшись плечом к плечу, в дружном единении успешно поработавших людей, следили советские хоккеисты за началом матча. С первых же секунд неистовый темп, стремительные передачи, и вот уже американский нападающий Джон Маясич посыпает шайбу в канадские ворота. Гол!

Среди рева и грохота американских болельщиков, которым явно симпатизируют многие зрители, Бобров говорит Пучкову:

— Следи, Коля, за этим парнем, подмечай, как бьет, из каких позиций, — и снова весь устремляется на поле, отмечая все: и невозмутимое спокойствие канадцев, и их резкую силовую игру, и азартные свалки у ворот.

Тактика американцев ясна, она еще раньше разгадана: внезапные рывки, острые контратаки, как у фехтовальщиков. Канадская защита слишком медлительна. Им трудно держать американских нападающих. Бобров словно ощущает тяжелое дыхание защитников Канады, примеривается, как они себя будут чувствовать в вихре еще более быстрых атак советских пятерок. И тут же Маясич вбивает вторую шайбу. И чем стремительнее развивалась игра, тем реальнее становилось поражение канадцев, тем быстрее таяла невозмутимость наших игроков. Кто бы мог подумать, что канадцы будут проигрывать, ведь они сильнее, явно сильнее. Но они проигрывают! Все усилия, приложенные ими во втором периоде, свелись к тому, что они откатали одну шайбу, но за последние двадцать минут Маясич и Ольсон забили еще два гола, сделав невероятное совершившимся фактом: канадцы проиграли. Теперь только две команды идут без поражений — СССР и США.

Взбудороженные только что пережитым, немного оглушенные впечатлениями, ехали советские спортсмены по ночному, насыщенному огнями и гулом возбужденной толпы городку. В автобусе не смолкал разговор. Говорили все разом, много шутили, смеялись, и только Аркадий Иванович Чернышев хранил озабоченное молчание. Этот матч внезапно перевернул все планы, в новом свете представил задачи матча СССР — США. Не представляло никаких сомнений, что американцы, вдохновленные своей большой удачей, — им еще никогда не удавалось побеждать канадцев на мировых и олимпийских чемпионатах — будут играть с удесстеренной энергией. Ведь победа над советской командой равносильна для них выигрышу первого места.

Зимние Олимпийские игры 1956 года. Второй гол в ворота канадцев.

Команда СССР после победы на олимпийском турнире в Кортина д'Ампеццо.

В. Бобров на трибуне почета олимпийского первенства.

1956 год. Польские хоккеисты в Москве. В. Бобров перехватывает шайбу, за воротами Е. Бабич.

Словом, поражение канадцев о многом заставило задуматься. Однако, вернувшись в «Тре крохи», все сразу разошлись по своим комнатам, отложив разговоры на утро.

Режим хоккеистов во многом отличался от образа жизни других спортсменов. В то время как лыжники и конькобежцы выходили на арену борьбы утром, хоккеисты начинали игры вечером и возвращались домой только к часу ночи. Поэтому они поднимались позже всех—в десять часов—и начинали день с безмятежной прогулки, неторопливого завтрака; затем ездили смотреть соревнования или залечивать боевые ссадины, синяки и шишки в клинику, а вернувшись перед обедом, проводили разбор вчерашней игры, получали установку на новую встречу, собирались и отправлялись на стадион.

Утром следующего дня на прогулке по горным тропинкам освещенного солнцем леса только и было разговору о победе американцев, ставших неожиданными союзниками советской команды. Но вчерашние союзники могли завтра стать самыми серьезными соперниками. Вот когда потребуется абсолютная собранность, полная мобилизация всех сил, и, гуляя по лесу с товарищами, Бобров вдруг вспомнил свой разговор с иностранными журналистами у отеля «Савоя». Не слишком ли верит в его силы команда? Вот что интересовало старика репортера. Он даже не подозревал, что попал этим вопросом в самое сердце Боброва, в его большое, закаленное во многих хоккейных схватках сердце бойца. Не потому ли, что эта вера в своего капитана была слишком крепка, так растерялась команда в игре с «Пентиктоном»? Можно ли основывать игру всей команды — ее молодых, окрепших игроков — на этой вере и дальше? Эти вопросы задавали себе, наверное, и те, кто отвечал за подготовку сборной команды к Олимпийским играм, к реваншной встрече с канадцами. Может быть, потому и вылетел Бобров в Берлин уже вдогонку команде.

Но, дожидаясь своего отлета, Бобров многое передумал, многое заново решил для себя, пересмотрел свое место в коллективе, где его недавние уч-

ники стали равноправными товарищами. Его много хвалили, немало восторженных слов слышал он о себе, но, может быть, никогда не испытывал Бобров такого удовлетворения, как в те минуты, когда нечаянно подслушал разговор двух тренеров команды — Аркадия Ивановича Чернышева и Владимира Кузьмича Егорова.

— Не узнаю Боброва, — говорил Чернышев. — Он стал мягче, терпимее. Не потому ли, что больше теперь верит в других и соответственно больше их уважает? Жаль, не повезло ему в Англии. Если бы его там не сломали, он сейчас показывал бы чудеса. Представляете, Владимир Кузьмич? Его старая техника, помноженная на коллективную игру, что это было бы!

— Да, он слишком мало играл в этом сезоне, — сказал Егоров, — но будем надеяться, что его хватит.

Как хотелось Боброву после этого разговора «показать чудеса», доказать всем, что ошибкой было бы не включить его в команду! И на следующий вечер после поражения канадцев Бобров и первая пятерка в матче с чехословацкими хоккеистами блеснули давним своим мастерством. Из семи забитых шайб пять принадлежали первой пятерке, и теперь только команды США и Канады преграждали хоккеистам СССР путь к постаменту почета.

В тот день, когда все шумное, многонациональное население Кортина д'Ампеццо жило предвкушением сенсационной встречи СССР — США, осаждая кассы, обсуждая шансы команд на улицах, в барах и на трибунах лыжного и конькобежного стадионов, в окрестностях отеля «Тре кроци» по-прежнему царила безмятежная тишина, по-прежнему по строгому, раз и на всегда установленному регламенту неторопливо текли часы долгого дня. Перед обедом, как и обычно, команда собралась, чтобы обсудить последнюю игру и подумать, как вести сегодняшнюю. Переводчик рассказал о появившихся в газетах откликах на поражение канадцев. Сами канадцы заявили, что еще не сказали своего последнего слова и будут продолжать борьбу за первое место.

— Значит, верят в нашу победу, — заключил Юрий Крылов, как всегда спокойный, чуть застенчивый, дружелюбно оглядывая товарищей.

— С чего это ты взял? — спросил его защитник Дмитрий Уколов.

— Не понимаешь? — удивился динамовский нападающий круглоголовый Валентин Кузин. — Это же ясно!

— Конечно, ясно, — подтвердил Юрий Пантюхов, товарищ Боброва, Шувалова и Бабича по армейской команде. Высокий, черноволосый, он был известен своим веселым нравом и острозвучием. — Нашиими руками хотят золотые медали себе повесить. Вы американцев обыграете, а мы вас, а там разберемся, что к чему. Вы ребята сильные, верим — победите наших обидчиков. Вот, дорогой товарищ Уколов, как надо понимать последнее слово канадцев. И знаешь, что грустно? Действительно, придется выигрывать, делать нечего, — и Пантюхов сокрушенно развел руками.

Долго и тщательно говорила команда о том, как победить американцев, и задача эта была сформулирована так: измотать. Это короткое слово исчерпывающее определяло тактику предстоящей игры: измотать великолепного, пожалуй самого сильного вратаря олимпийского турнира Вилларда Айколу и лучших нападающих Джона Маясича, Уэлдона Ольсона и Юджина Кембелла и цепких защитников. Но прежде всего измотать вратаря, обладающего феноменальной реакцией, несокрушимым спокойствием и такой непоколебимой смелостью, что, казалось, ее с трудом вмещает его худенькое тело.

Каждый игрок команды получил задание, и Бобров наблюдал за тем, как каждый по-своему принимал указания тренера. Евгений Бабич, замкнутый, невозмутимый, только молча кивал головой. Юрий Крылов, самоотверженный, на все готовый для команды, играющий с поврежденной челюстью, прикрытой шиной, о чем никто не догадывался, жадно впитывал каждое слово Чернышева. Александр Уваров азартно раздувал широкие поздри и поблескивал своими темными удлиненными глазами, словно уже вел борьбу с Маяси-

чём на льду. Валентин Кузин, который из-за своей поистине боксерской смелости, по количеству боевых отмечин мог соревноваться с Бабичем, простодушно поддакивал. Коля Хлыстов, невысокий худенький блондин, великий упрямец, не желающий примириться с тем, что с его данными трудно вести силовую борьбу, заранее весь внутренне протестовал, ожидая ставшего уже традиционным тренерского предупреждения: «Не играй у бортов». Генрих Сидоренков, сменивший в защите Жибуртовича, повернул свое чернявое горбоносое лицо к Чернышеву и, сдвинув густые брови, плотно скав губы, уже готов был ринуться в самую опасную свалку. А Дмитрий Уколов, компанейская душа, твердил свое обычное, хорошо всем знакомое: «Ладно!»

Какие они все разные и как похожи друг на друга! Трудная мужественная игра словно на свой лад обточила их лица и характеры, спаяла их в одно большое целое, где все слито, сплетено воедино: лихая смелость Хлыстова, словно электрическая искра возбуждающая к действию его товарища по атакам — могучего и быстрого Алексея Гурышева, броневая мощь Николая Пучкова, не знающий трещин оптимизм Виктора Шувалова и удивительное трудолюбие Николая Сологубова, превратившегося из посредственного нападающего в великолепного защитника. Какая же бобровская жилка вплетена в этот живой, пульсирующий организм? Беспредельная вера в свой талант, помогавшая ему забить в последние мгновения игры решающий мяч в футбольные ворота «Динамо»? Волевой напор, не раз превращавший пятерку в одну монолитную единицу? Уверенность, что его индивидуальное мастерство, которым он всю свою жизнь так гордился, идет на пользу команде? Что же? Что? Нет, не угадаешь. Его энергия питает тело команды в такой сокровенной глубине, что не разглядеть ее, не прощупать. Да и зачем гадать! Он нужен товарищам, он еще послужит им, он еще способен помочь команде рассчитаться за поражение «Пентинктону», и этого достаточно...

«Этого достаточно, я на поле, я веду борьбу, я нужен», — с таким ощущением выехал на поле Всеволод Бобров в тот поздний час, когда до полуночи оста-

валось всего тридцать минут, а на трибунах олимпийского стадиона уже не было ни одного свободного места.

Вот они перед ним, американские хоккеисты, быстрые, рослые люди, а в воротах Виллард Айкола, маленький финн, почти мальчик. Прочные доспехи вратаря еще больше подчеркивают его юношескую худобу. Идут последние приготовления к игре. Священник команды, спортивного типа молодой человек, в черном строгом платье, шлет им из-за борта свое последнее благословение, американские болельщики встречают их хриплым ревом и звуками гонгов, а сами игроки окружают Айколу, и каждый из них норовит постучать своей клюшкой по щиткам, прикрывающим его ноги. Таков неизменный ритуал, дань суеверию.

Стоя в строю посреди поля, плечом к плечу, молча наблюдают за всем этим советские хоккеисты. Сейчас двое судей-швейцарцев займут свои места, и счет времени пойдет в другом измерении, где секунда равна минуте, минута — часу, а час — целому дню. Ведь именно в этот час спортсмены должны выложить все, что удалось им накопить за многие месяцы кропотливой подготовки.

«Придется выигрывать, делать нечего, — вспомнились Боброву слова Пантиухова. — Американцы все удивляются, как это он решается играть под номером тринадцать. Интересно, что бы ответил им остряк Пантиухов, если бы они его спросили об этом?»

И тут же Бобров, занявший место на скамье вместе со своими товарищами из первой и второй пятерок, услышал протяжный судейский свисток. Пантиухов, Хлыстов и Гурышев рванулись к американским воротам, и игра пошла сразу же в таком неистовом темпе, словно в распоряжении игроков была одна минута, а не час. Нет даже времени для смены пятерок, и обе команды, не останавливая игры, выпускают на поле одиночных хоккеистов.

Все перепуталось на поле: пятерки, игроки... Чуть ли не с середины площадки американцы обстреливают наши ворота мощными и точными бросками. Трещат борта от ударов шайб, от напора человеческих

тел. Как только шайба оказывается под крюком клюшки советского спортсмена, американцы, не останавливаясь ни перед чем, пытаются ее отобрать. С каждой секундой все ожесточение разгорается силовая борьба. Уже побывали в схватках игроки всех трех пятерок. И Бобров в секунды передышки был готов по первому знаку тренера сбросить со спины одеяло, перемахнуть через борт и с разгона броситься в самое пекло схватки.

Пока еще рано делать выводы, но одно уже ясно: американцы очень сильны, они идут на все, они используют малейшую нашу оплошность, и каждая их атака вызывает бурю криков на трибунах. Наверное, и на горных вершинах слышен этот рев. Прожекторы, словно белые молнии, озаряют снежные склоны Доломитовых Альп, и олимпийский огонь, будто в испуге, рвется куда-то в сторону из высокой чаши и никак не может унести. Морозная темная ночь вокруг, а все ярусы стадиона полны людей, подпрыгивающих, размахивающих пледами, флагами, термосами с горячим вермутом, и советские туристы встречают каждую атаку своей команды дружным скандированным криком: «Мо-ло-дцы!»

Пора переходить в атаку, надо подбросить новую порцию горючего в этот все больше разгорающийся костер борьбы. Айкола еще не вступал в игру: пока все еще инициатива у американцев.

Теперь уже ясно: они хотят выиграть стремительными прорывами, рассчитывая, что наши нападающие не успеют включиться в оборону своих ворот. Но они еще не знают, на что способны наши защитники, они еще не знают, какой скоростью обладают нападающие.

План американцев ясен советской команде, и, освоившись с темпом, она постепенно берет инициативу в свои руки. Теперь пятерки, а не одиночные игроки, выбегают на поле, и Бобров чувствует близящийся перелом.

«Дайте поработать Айколе, а то замерзнет», — сказал он своим товарищам из второй пятерки, когда они одним рывком, сбросив одеяла на скамейку, переме-

хивали через борт. Вперед! Вот Трегубов метнул шайбу в среднюю зону Кузину.

И Кузин, смелый боец Кузин, подбадриваемый громким, ликующим криком: «Мо-лод-цы!», ринулся к воротам. Айкола приготовился к броску, но американские защитники тут же отеснили Кузина к борту, навязав ему ближний бой, защитник Сэмпсон смело пошел на столкновение, и вот уже опасность миновала.

Атакует первая пятерка, и Айколе с каждой секундой становится труднее. Раз за разом отбивает он шайбу, но она тут же возвращается назад к его воротам. Играет третья пятерка. Хлыстов прорывается вперед и с угла поля посыпает шайбу то Гурышеву, то Пантихову, а те с лету бьют по воротам. И каждый раз черный кружок оказывается в руках у Айколы.

Бобров с товарищами снова на поле, они атакуют, но американцы бросаются им под коньки, вышибают клюшки из их рук. Столкновения все ожесточеннее, и вдруг судейский свисток. Один из защитников США допустил недозволенный прием — придется ему посидеть на штрафной скамье две минуты. Хорошая возможность открыть счет, но что это? Американцы и не думают уходить в оборону, по-прежнему они атакуют каждого нашего игрока и сами используют каждый удобный случай для броска по воротам.

Судейские хронометры отсчитывают секунду за секундой, а реализовать численный перевес никак не удается. Вот Аркадий Иванович Чернышев, используя оставшиеся полминуты до выхода на поле пятого игрока США, выпускает отдохнувшую третью тройку. Хлыстов — весь бесстрашный порыв — уводит в атаку товарищей, а «Мо-лод-цы!» — громогласный призыв туристов подхлестывает их. В штурм включаются и защитники. Уколов бьет по воротам. Айкола на посту. Хлыстов внезапным и точным броском швыряет шайбу. Айкола на посту. Гурышев по воздуху направляет шайбу в верхний угол. Айкола на посту. Его худощавое лицо невозмутимо, коротко остриженная под бобик голова втянута в плечи. Айкола на посту, и поколебать его, кажется, невозможно. Но товарищи его явно

поколеблены. Все чаще пропускают они советских хоккеистов в свою зону.

«Хотят измотать нас силовой борьбой», — подумал Бобров, и не успел он поделиться своей догадкой с Чернышевым, как тот уже дал команду силовой борьбы избегать, быстро перепасовывать шайбу. Все чаще посматривает тренер на часы. Первые двадцать минут на исходе. Вот и конец. Игроки выезжают со льда. Впереди десять минут отдыха. Отдыха? Нет, в таком матче не может быть пауз. Времени в обрез, чтобы все продумать, разложить по косточкам, наметить план действий на вторые двадцать минут.

И пока стадион грелся, совершая свой коллективный танец на месте, пока трубы герольдов извещали о появлении на трибуне почета новых олимпийских чемпионов, пока осмелевшая луна вовсю сияла над стадионом, трибуны которого освещало только негаснущее пламя олимпийского светильника, в раздевалках шел торопливый обмен мнениями. Споров в комнате советской команды не было: все согласны с тем, что американцы стали жертвой своих же собственных намерений. Они хотели измотать своих соперников и измотались сами. Теперь уже полностью выявлены слабые стороны хоккеистов США. Они уступают в скорости и маневренности. У них один принцип — вперед, у советских игроков — расчет. Уже в первом периоде была полная возможность открыть счет, надо не упустить этого во вторые двадцать минут.

— Ну, с богом, ребята, — обнимая их на ходу, сказал Аркадий Иванович. — Избегать силовой борьбы, вести игру на максимальной скорости, не давать покоя Айколе.

И снова игра, снова пытаются американцы навязать нашим пятеркам ближний бой, рубку у бортов, снова стараются сбивать их на лед, ломать, крушить и использовать каждый момент для контратаки. Но то, что было возможно с тихоходной защитой канадцев, невозможно сейчас. Советские защитники превосходят в скорости американцев, и поэтому русские успевают прикрывать свои ворота, а отобрав шайбу, тут же посыпают ее вперед — нападающим.

Все труднее приходится американскому вратарю, и особенно донимает его третья тройка.

Бобров только что покинул поле, он еще не отдохнул, он еще живет головокружительным ритмом атаки и даже сейчас, сидя на скамье, не может успокоить дыхания. Он по-прежнему на поле, где атаку ведет Пантюхов. Прямо удивительна смелость и напористость этого невысокого, не очень сильного человека. Рядом с массивными американцами он кажется совсем щупленьким, но искры его энергии зажигают всех вокруг него, и Гурышев действует с ним совершенно синхронно. Вот Хлыстов прорвался к воротам. Пас Гурышеву. Бросок — и снова неудача. Через несколько секунд Айкола с трудом отбивает неотразимый бросок Трегубова. Снова бьет Гурышев, и Бобров с трудом удержался от желания взмахнуть клюшкой, подправить полет шайбы — Айкола неуязвим!

И тут же первая тройка по сигналу Чернышева сорвалась с места, перемахнула через борт, а третья тройка, изнемогающая, выложившая все, уселась на скамью. Защитники Трегубов и Уколов остались на поле. Они еще могли продолжать борьбу.

Свисток! Вперед! И Бобров молниеносно, маневрируя, избегая столкновений в круговороте перемещений, выискивая наиболее удобную позицию, плетя сеть атаки вместе с Бабичем, несущимся по другому, левому краю, упиваясь этим бодрящим русским словом «Молодцы!», которое с новой силой гремело над притихшим стадионом, устремился к зоне американцев.

«Надо забить, почему бы нам не забить этой первой шайбы? Кто-то должен же начать! Так пусть это будем мы, а там молодежь подхватит. Пусть это будем мы!» Шайба у Бабича. Обвел защитника... Сейчас будет пас, точная, едва уловимая на такой скорости передача. Бобров знает. Он уже чувствует тяжесть шайбы под крюком своей клюшки. Но что это? Бабич лежит на льду. Он сбит, грубо сбит американским защитником, и тут же свисток судьи, два его пальца, поднятые вверх, показали, что в следующие две минуты американцам придется играть вчетвером.

Вскоре после того как проштрафившийся амери-

канский хоккеист покинул поле, в игру вступила третья тройка. И снова из-за борта, прижавшись плечом к плечу Бабича, следил Бобров за развитием событий.

Ну что ж, им снова не удалось заставить Айколу вынуть шайбу из сетки ворот, зато ребятам будет легче это сделать, пока американцев только четверо. Они сделают это! Вот Сидоренков начинает атаку, спокойно и точно отправил он шайбу Пантихову, и тот по правому краю, на ходу обыграв двух бросившихся к нему американцев, прорвался к воротам. «Придется выигрывать, ничего не поделаешь», — так, кажется, сказал Пантихов. Давай же выигрывай! Вот американский защитник несется к нему. Нет, бить нельзя! Сейчас ворота прикрыты не только Айколой, но и вторым защитником. «Отдать шайбу Хлыстову! Бей вдоль ворот!» — кричит Бобров, кричит, не произнося ни слова, но Пантихов словно слышит своего капитана. Он бьет вдоль ворот, и Хлыстову остается только подставить клюшку, меняя направление упругого резинового кружка.

Лампочка, вспыхнувшая над воротами американской команды, и неистовый крик «Мо-лод-цы!» на трибунах еще не дошли до сознания Боброва, а он уже обнимал Бабича, верного друга, поздравляя его с первым голом, и Бабич, застенчиво улыбаясь, пожимал руку Боброва. Разве в этом голе не было доли и их усилий, игроков первой пятерки? Пусть эту шайбу забили не они, а молодежь, но результат один: ведет команда СССР.

Это произошло в конце пятнадцатой минуты, а следующие две минуты были насыщены атаками американцев. Бьет Кемпбелл. Швыряет шайбу в ворота Ольсон, снова резиновый кружок у ворот, и к нему устремляются сразу два нападающих, но Трегубов плашмя бросается им под ноги.

Бобров знает, что эта вспышка энергии должна потухнуть, и ему хочется включиться в игру, пока азарт американцев еще не угас, так легче будет прорваться в их зону. Еще дожидаясь сигнала, он уже сбрасывает одеяло, натягивает рукавицы и, всем тес-

лом подавшись вперед, упервшись в бортик, готов перемахнуть через него. Что же медлит Чернышев? Ну вот наконец-то! И после очередной атаки американцев, получив шайбу, Бобров оказался один на один с Айколой.

Ударил он не сразу, выжидал броска вратаря. «Бить? Нет, еще немного». Но в тот момент, когда Айкола выскочил вперед, когда клюшка Боброва была уже в воздухе, на капитана советской сборной налетели сразу два игрока.

И все же, несмотря на эту обидную неудачу, Бобров не потерял присутствия духа. Два года назад он был бы вне себя от такого промаха, теперь он верил в то, что если не ему, то другим удастся увеличить счет.

Чутье не обмануло капитана советской сборной. Чувствуется, что силы американцев на исходе. Они теперь атакуют только двумя нападающими. Им уже не под силу наш темп. Конечно, американцы устали. Но они еще опасны, очень опасны. Вот сейчас Уколов удален с поля, и американцы всей пятеркой устремляются вперед.

Тяжесть обороны легла на третью тройку, и она отлично справилась со своей задачей. Пантихов завладел шайбой, и разорвать сеть точных его пасовок американцам оказалось не под силу. А когда истекли две минуты, в атаку снова пошла первая пятерка. Бьет по воротам Бобров, Шувалов, Сологубов, но маленький финн, защищающий американские ворота, по-прежнему неуязвим.

Четыре минуты оставалось до конца игры, когда первая тройка сменила вторую.

Вот сейчас наступит развязка. Бобров это чувствует всем своим существом. Перехватив шайбу, он посыпает ее вперед Шувалову. Пас Бабичу!

«Так и есть, вихрь атаки нарастает. Сейчас налетит защитник! Мне!»

И тут же Бобров увидел, что Бабич продолжает движение вперед без шайбы. Никем не замеченная шайба лежит на льду. Вот она под его клюшкой.

«Не смотреть в глаза Айколе. В воротах никого нет! Бросок в левый угол!»

Еще в тот момент, когда шайба совершила свой четырехметровый полет, а Бобров по инерции несся на вратаря, он уже знал: есть попадание. И крик «Мо-лодцы!», казалось, повторило горное эхо. Как хорошо здесь, вдалеке от родины, от близких, знать, что на трибунах сто советских людей вместе с теми, кто на льду, вместе с ними горячо жаждет победы.

Так была забита в ворота США вторая шайба.

Теперь все назад. Сейчас последует вспышка отчаяния. Так и есть! Клири нависает над Пучковым, но не может пробиться сквозь защиту.

За полминуты до конца игры счет изменила третья тройка. Стремительная комбинация Хлыстова, Гурышева и Панюхова окончилась третьим голом. Затем в игру вступила вторая тройка, и Кузин забил четвертый гол.

Когда судья известил об окончании матча, Айкола, невозмутимый Айкола, в сердцах швырнул свою клюшку на лед и покинул поле с пустыми руками. Советскую команду стадион провожал мощным и дружным криком «Мо-лодцы!», и теперь к голосам советских туристов присоединили свои голоса люди из разных стран. «Мо-лодцы!» — кричали они в такт, не зная наверное, что значит это слово, но чувствуя, что это единственное слово, одно единственное слово, с помощью которого можно выразить свой восторг.

IV

Выиграли! Это самое радостное для спортсмена слово каждый повторял на свой лад и вслух и про себя. Выиграли, но еще не победили! Через двадцать часов на этом поле должен был начаться последний матч олимпиады: Канада — СССР. Да, теперь канадцы действительно имеют возможность сказать последнее слово, и они постараются его сказать: победа над советскими хоккеистами со счетом хотя бы 4:1 вывела их на первое место в олимпийском турнире.

Правда, после выигрыша у американцев советским спортсменам достаточно было свести свой матч с ка-

надцами вничью или даже проиграть им с разницей всего лишь в две шайбы, чтобы выиграть первенство. Но смешно было бы начинать борьбу с такой командой, как «Китченер датчмен» с надеждой на ничью. Достаточно и того, что после двух предыдущих встреч с канадцами на первенствах мира счет побед и количества забитых шайб было ничейным: 7:7. Нет, надо побеждать, несмотря на усталость после только что закончившейся трудной игры.

— Надо побеждать, — так говорил Бобров, гуляя с товарищами на следующее утро по сосновому, про-свечененному солнцем лесу.

Безмятежная тишина окрестностей «Тре крохи», как всегда, вызывала мысли о клокочущем, неистовствующем стадионе, о пушечных ударах шайбы, о скрежете коньков. Надо просто отдыхать, набираться сил, ведь теперь уже не двадцать, а всего десять часов отделяли их от сигнала судейской сирены. И десять часов казались Боброву десятью минутами, отдыхом между двумя периодами одного матча. Он никак не мог отделаться от мысли, что игра не закончена, что канадцы просто сменят на поле американцев, чтобы продолжить их усилия.

Успокоение не приходило, а вместе с ним не появлялось ощущения, что он отдохнул, восстановил силы, снова готов к схваткам на льду. Это тревожило Боброва, и он, хмурый, недовольный всем — и тишиной этого дышащего ароматами сосны и снега леса, и веселым смехом молодых своих товарищей, вспоминающих подробности игры, и слишком, как ему казалось, ярким солнцем — угрюмо отмалчивался и все поглядывал на часы. Ему хотелось прилечь, заснуть, может быть, тогда развеется это дурацкое чувство, будто матч продолжается, будто через десять часов начнется, вопреки хоккейному регламенту, его четвертый период и они, уставшие, будут продолжать борьбу со свежими канадцами.

Да, у канадцев большое преимущество, ведь им не пришлось накануне выкладывать все силы. Прогрыш для них равносителен третьему месту в турнире. Как же они будут играть?

— Как они будут играть? — спрашивает Бобров Бабича, и тот, как всегда, угадав ход мыслей своего друга и его настроение (ведь он чувствовал себя также, как и Бобров), беспечно пожимает плечами.

— Вспомни, как шла игра в Лондоне и Париже. Полезут, попытаются задавить нас, ну, а потом сами нахлебаются.

Нельзя сказать, чтобы Бабич сам верил в такой вариант, но он считал необходимым успокоить друга.

— Первые десять минут придется тяжело, — добавил он, заметив скептическую улыбку Боброва, — а потом возьмем дело в свои руки.

— Интересно, какая из наших пятерок сегодня блеснет? — делая вид, что его удовлетворил ответ Бабича, сказал Бобров. — Вчера героем дня была третья, мы уже свое слово сказали в игре с чехословаками...

— Ну, значит вторая, — сказал Бабич. — Смотри, как развится молодежь. — И он остановился, наблюдая за тем, как Крылов, Кузин и Уваров играют в снежки. — Им хоть бы что, выспались, поели, и энергию уже некуда девать.

— Так хочется сыграть хорошо, — произнес Бобров, — знаешь, по-настоящему, как в Стокгольме.

— А мы и сыграем, — заверил его Бабич, будто не понимая, что Бобров говорит не о команде, а о себе. — Вот увидишь, как сыграем. Ребята после вчерашнего на подъеме. Им теперь сам черт не брат.

Медленно и вместе с тем незаметно тек беззаботный и тревожный день. У дверей отеля о чем-то весело тараторили немцы-туристы: высокий жизнерадостный толстяк, каждый вечер щеголявший в смокинге, и его неизменная партнерша по танцам стройненькая задорная девушка.

— Карапо, карапо! — закричал толстяк, увидев возвращающихся с прогулки хоккеистов. — Канада зо, — и он поднял вверх руки.

Прошел разбор вчерашней игры, была дана установка на игру сегодняшнего дня. Чернышев словно говорился с Бабичем. Он говорил, что важно выдержать первый натиск, что канадцы, без сомнения, сде-

ляют все для того, чтобы сковать действия наших нападающих, измотать их и таким образом лишить их главного преимущества — быстроты, что защитникам придется выложить все силы в борьбе с канадскими виртуозами обводки, а Пучкову предстоит перехватить не одну шайбу, пущенную внезапно и метко на ворота из самых неожиданных положений.

Все шло по раз и навсегда установленному расписанию — обед, вторая прогулка, сборы на стадион, напутствия руководителей советской делегации и товарищей, а Бобров по-прежнему чувствовал себя, как в раздевалке перед выходом на лед после короткого десятиминутного отпуска.

В автобусе он вглядывался в знакомые лица, вслушивался в знакомые голоса: вот она его надежда, молодежь, он все сделает для ее победы, а они помогут и ему сыграть хорошо. Чего же тревожиться? И впервые за весь день он вздохнул полной грудью.

Стадион гудел так празднично, как в день открытия Олимпийских игр. Из всех окошечек радиокомментаторов выглядывали головы, и только в президентской ложе места были свободны. Подходит к концу зимний фестиваль, праздником пресыщены все: туристы устали от многочисленных зрелищ, жители Кортины от туристов, спортсмены от тех и других. Сегодня последняя вспышка борьбы. Скорей бы уж она начиналась. Сейчас нетерпение охватило всех: и зрителей и хоккеистов, но час еще не пришел.

Люди все валят и валят, забивая все проходы, спрессовываясь в одну плотную массу, и дыхание их радужными облачками поднимается к темному небу. Игра еще не началась, а с трибуны уже кричат канадские туристы, размахивают национальным флагом, трубят в рожки.

«Настраиваются, — подумал Бобров, — так же, как и мы». Он только что вместе с товарищами закончил разминку, по давней привычке проверив перед игрой не только свое внешнее снаряжение: клюшку, коньки, наплечники, но и «снаряжение» внутреннее. Как будто бы все в порядке: дневное недомогание прошло, нервы напряжены, а сердце спокойно.

Во многих состязаниях, очень трудных по своему напряжению, приходилось участвовать Боброву, но он чувствовал: то, что сейчас произойдет, затмит все остальное. Лишь бы хватило сил, лишь бы забыть о том, что двадцать часов назад он уже отдал все, что мог, для победы. Но как об этом забудешь? Двадцать часов между двумя такими матчами слишком небольшое время.

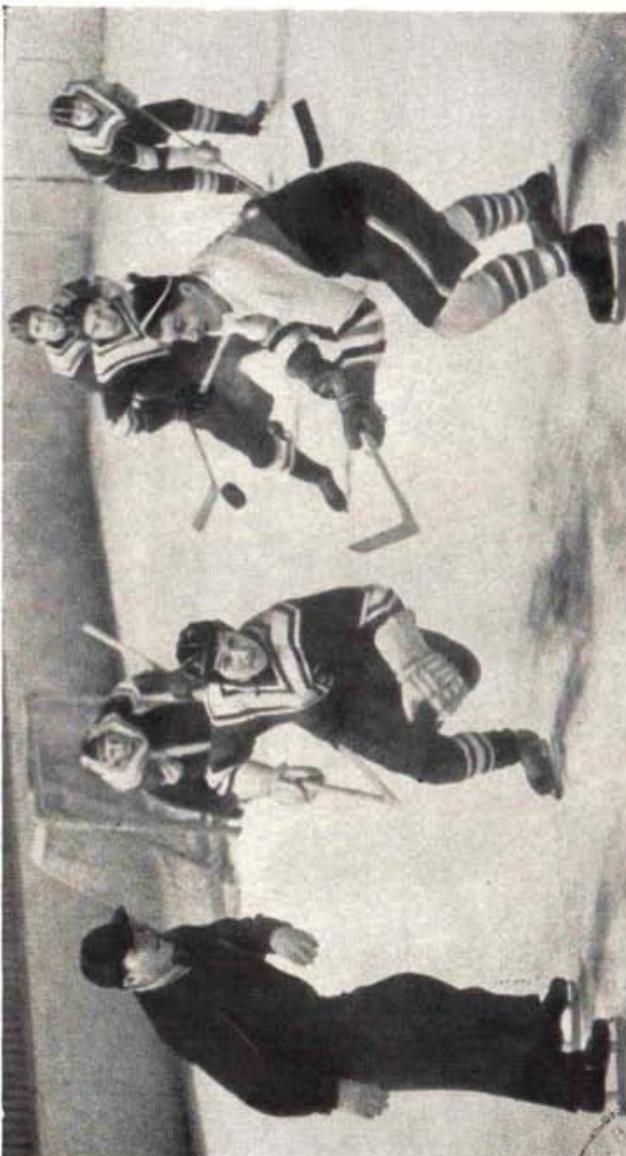
Потом Бобров увидел перед собой квадратного Флойда Мартина, с которым не раз придется столкнуться у ворот; Дона Роуна с лицом, причудливо изукрашенным синяками; огромного, в красной вязаной шапочке капитана команды Джека Маккензи, Кэна Лофмана с перевязанной головой. А вот и их друзья по атаке — Герри Тибердик, Боб Уайт, Чарльз Брукер, сильные, плечистые, от нетерпения переступающие с ноги на ногу, уже рвущиеся в атаку, и подумал: «Кто из них будет меня держать, с кем придется чаще всего скрещивать клюшки?»

Неожиданно для самого себя Бобров увидел старого репортера, так внезапно атаковавшего его на улице. Он стоял за пустой скамьей канадской команды, на которой безжизненной грудой свалены были шерстяные одеяла, и тогда Бобров повторил свои же слова, сказанные старику: «Игра покажет...»

Спустя минуту шайба была введена в игру, и, не теряя ни сотой секунды, канадцы оказались у наших ворот. На поле вторая пятерка — защитники Трегубов и Сологубов.

«Тяжело им придется, ох, как тяжело! Вот на Трегубова несутся два канадца. Отдать шайбу Сологубову! Пас Крылову! Крылов сбит с ног. Канадец и он вскакивают одновременно. Трещат клюшки, сплетаются тела. Сейчас произойдет то, о чем говорили лондонские игроки. Будут грубить. Так и есть! Судья уже удаляет с поля канадца. Четверо продолжают атаки. Успевают везде. Идут на столкновения. Снова толкают наших на борт. Снова канадец удален с поля. Ну же, вперед, третья пятерка! Сбиты с темпа. Не могут».

Снова в игре полные составы. Шайбы, как чугун-

Игра СССР — Чехословакия в Кортина д'Ампеццо.

Игра СССР — США в Кортина д'Ампеццо

ные ядра, со свистом летят на Пучкова. Удар за ударом. Замены в ходе игры. «Не давай русским передышки!» — истошно кричит канадский тренер. Все мелькает, кружится, трещит, грохочет. Нет больше бортников. Даже со скамьи запаса Бобров чувствует себя на поле и, бросаясь на смену товарищам, не успевает сбрасывать одеяла — его на ходу сдирают тренеры.

В минуту передышки Бабич выдыхает ему в самое ухо толчки слова, иначе не слышно: «Ну... что... я говорил... надо... продержаться... десять минут».

Но вот уже идет четырнадцатая минута, и хотя канадцы играют не столь грубо, как этого можно было ожидать (видимо, штрафная скамья им не по душе), но схватки проходят по-прежнему у наших ворот и обстрел шайбами издалека продолжается с такой же силой.

Но чем упорнее атаки, тем спокойнее действуют советские защитники, тем неудержимее желание Боброва пойти в атаку.

Важно начать, показать им, что мы не сбиты. Это наверняка им не понравится. И Бобров говорит Шувалову и Бабичу:

— Когда выйдем, сразу вперед.

«Бросок через борт. Скорее включиться в темп. Где Маккензи? Вон он. Бабичу выход свободен».

Но рывок Бабича был так стремителен, что ни Бобров, ни Шувалов не успели его подхватить. Он один ведет неравную борьбу. Под оглушительные крики советских туристов обошел одного, другого.

«Скорей вперед! Поздно! Бабич сбит. Канадская тройка идет в атаку. Молодец Сологубов, отбил!.. Так и есть, канадцы взмолнивани. Снова грубыят. Бьют клюшками».

Когда третий канадец должен был покинуть поле, Бобров с товарищами уступил место на поле второй пятерке.

«Сумейте использовать преимущество! Ведь вас же больше! Вперед! Атакуйте!.. Нет, атаки не ладятся. Когда же, когда? Снова пять канадцев на поле. Они

атакуют, один за другим идут вперед. Но они не те, нет, не те. А мы?»

Бобров смотрит на товарищей. Пригнувшись, опираясь подбородками на клюшки, сидят две запасные пятерки. «Нет, мы те, самое трудное позади».

Все десять минут перерыва Бобров убеждал в этом товарищей. Канадцы растеряны. Надо сразу же идти в атаку. Но вот шайба снова в игре, а на поле ничего не меняется. Бушует силовая борьба, и каждый толчок грозитувечьем, трещат борта от наваливающихся на них человеческих тел, обломки клюшек летят в разные стороны.

Их надо осадить! Чего смотрят судьи! Нет, судьи смотрят! Четвертый канадец покидает поле, но тут же Сологубов в отчаянной схватке допускает недозволенный прием. Играют четыре на четыре.

Ничего не выходит. Ноет тело от ударов и бросков. Все труднее восстанавливается дыхание. Уже несколько раз Бобров, не дожинаясь своей пятерки, покидает поле, а игра еще впереди. Флойд Мартин не терял зря времени, да и Джек Маккензи тоже.

«Лишь бы не подвела нога, поврежденная еще в Лондоне. Да, это не шахматная партия. Лондонцы были правы».

Толчками в такт игре рвутся вперед мысли, а глаза неотрывно следят за водоворотом людских тел на льду. Этот водоворот как будто бы стал не таким бурным. Или так только кажется?

«Нет, канадцы снижают скорость. Конечно же! Они не идут вперед всей тройкой. Все чаще атакуют только двое, и защитники все реже выходят в среднюю зону, все дольше держат шайбу. Какая минута? Седьмая. Ну, вторая пятерка. Пришел ваш час».

— Темп, темп и темп, — кричит им вслед Чернышев. — Пасуйте почаше.

«Уваров! Молодец!»

И тут же это слово, рвущееся с губ Боброва, подхватывается советскими болельщиками.

«Мо-лод-цы!» — несется над стадионом, заглушая вопли канадских туристов. Уваров, развив огромную скорость, ворвался в зону канадских ворот.

«Неужели сбывают? Где Кузин, где Крылов? Вот они! Болит нога... К черту ногу! Обводит защитника. Тот бьет по клюшке. Выбил! Уваров без клюшки. Это все Маккензи. Всей тяжестью своего огромного тела сбивает он Уварова. Молодец, какой молодец!..»

Казалось, что тот удар коньком по шайбе, который успел произвести Уваров, направив ее под клюшку Крылова, истогнул из глубины льда неистовый крик «Мо-лод-цы!», потрясший стадион и слившийся с криком Боброва: «Бить с ходу!..» И Крылов пробил, дорогой, застенчивый, на все готовый для команды Крылов.

Можно ли проследить за полетом пули? Есть ли такой прибор? Но судья за воротами видит конечный пункт этого полета: сетка ворот — и зажигает красную лампочку. И Пучков с другого конца поля видит, что шайба в канадских воротах, и неуклюже подпрыгивает, размахивая своей широкой клюшкой. А Бабич, обнимая Боброва, смеющийся, ликующий, кричит ему в самое ухо:

— Я же говорил тебе: вторая пятерка!..

Сколько раз удавалось Боброву удачно завершать атаки и видеть, как литой кружок, пущенный его сильной рукой, баражается и трепещет, как живой, за спиной вратаря, но никогда еще не испытывал он такого вдохновенного восторга. Однако радоваться еще рано. Игра продолжается, и канадцы прилагают отчаянные усилия, чтобы взять игру в свои руки.

— Помогать защитникам! — дает команду тренер, выпуская первую пятерку. — Использовать каждый момент для контратак. Не снижать скорости.

Но как трудно держать высокую скорость! Не хватает дыхания. Ах, этот вчерашний матч! Но, несмотря ни на что, первая пятерка атакует. Вот и смена. Третья пятерка вырывается на лед. Поскорей занять места на скамье, не пропустить ничего! «Что это? Сидоренков толкает канадца рукой. Штраф две минуты. Так и есть, наши играют вчетвером. Будут обороняться? Нет, они атакуют. Молодцы!» И снова одновременно с мыслью Боброва слово «мо-лод-цы!»

гримит над стадионом, гремит, не смолкая все две минуты.

Последние три минуты до конца периода играет первая пятерка. Сейчас нужно хладнокровие, умение видеть поле. Канадцы будут штурмовать. Да, это так. Темп как в начале игры. Пучков все время в игре. Шайба то за воротами, то как билльярдный шар от борта летит в ворота. «Опасность! Не дотянуться! Бабич с лету падает под клюшку канадца, и ее крюк с размаху бьет не по шайбе, а по его груди. Неужели уйдет? Нет, нет, он снова на ногах, самоотверженный Макар!»

И, словно в награду, звучит сирена — перерыв.

Перерыв? Нет, его нет, желанного отдыха. Стоит закрыть глаза, и словно чья-то рука в бешеном темпе запускает фильм. Несутся, несутся кадры. В кинокамерах итальянских операторов, снимающих олимпийский фильм «Белый вихрь», еще не проявленная пленка. В голове Боброва она уже проявлена, хотя еще не смонтирована рукой режиссера. Несутся, наплывают друг на друга кадры в белом вихре атак. Еще целых двадцать минут впереди. Болит нога. Ноет тело. И Бабич, лежащий рядом, потирает ушибленную грудь. Но когда Бобров открывает глаза, Бабич, улыбаясь, говорит ему:

— Вот видишь, я был прав: это игра второй пятерки...

Да, это была игра второй пятерки, и ей была представлена честь начать третий период.

«Умница Чернышев! Надо сразу использовать ее боевой порыв. Идет первая минута, а Уваров уже в зоне канадских ворот, и два его товарища готовы принять от него шайбу. Кому лучше ее отдать? Крылову? Нет, его стерегут. Кузину? Отдай Кузину! И Кузин ее получил, чтобы тут же направить в ворота».

Теперь уже весь стадион кричит: «Мо-лод-цы!» Сто человек не могут кричать так громко. Неужели победа? 2 : 0! Это похоже на победу.

Стремительно меняются составы, но для Боброва уже все равно, быть ли на поле, сидеть ли за бортом. Отдыха нет. Он все время в игре, и то же, наверное,

чувствуют товарищи. Сейчас нельзя быть вне игры, просто невозможно. Если выбиться из ее ритма хоть на секунду, наверное не будет уже сил продолжать. А продолжать надо. Вот снова направляет тренер свою первую пятерку в бой.

Да, это бой — то ли борьба, то ли бокс. Только на льду. Канадцы совсем теряют голову. Сологубов отбирает шайбу у двух канадцев. Сейчас будет пас.

И тут же, словно на ходу, при克莱ив шайбу к крюку своей клюшки, Бобров устремился вперед. Впереди защитник Артур Херст. Нет, отобрать шайбу у Боброва не так-то просто. Прошел!..

Но уже в следующее мгновение Бобров летел на борт. Трещат доски под грудью. Грубый толчок. Штраф, и Херст отправляется с поля, но тут же штрафуется и Сидоренков.

Уже со скамьи Бобров следил за последними пароксизмами схватки. Бьет Пантихов. Шайба летит во вратаря. Бьет Гурышев — мимо. Бьет Уваров, но сам летит на борт, грубо сбитый канадцем.

Так вторая пятерка — героиня этого матча — и закончила его в неистовых атаках. А когда время этого не виданного по напряжению матча истекло и пульсирующая по огромному циферблату стрелка секундомера замерла на месте, стадион хлынул вниз, к ледяному полю, к раздевалкам приветствовать новых чемпионов олимпиады и мира, и, стиснутые лиющейся толпой, принимая со всех сторон сыпавшиеся поздравления, они не могли даже обнять друг друга, а как хотелось им это сделать!..

В день закрытия Олимпийских игр, перед торжественным ритуалом спуска флага, перед тем как был потушен олимпийский огонь, а в лунное зимнее небо взлетели пышные хвосты южного, итальянского фейерверка, Бобров поднялся на трибуну почета. Он стоял там в окружении своих товарищней, видный со всех концов стадиона. И ладони его дрогнули, когда президент Международного олимпийского комитета положил на них пирамидку коробочек. Тут были награды для всех них: для Крылова и для Уварова, для Кузина и для Пантихова, для Сологубова и для Пучкова, для

Хлыстова и для Гурышева, для Бабича и для Шувалова — для всех трех пятерок, для вратарей и тренеров.

Весомая, зrimая победа лежала на ладонях капитана советской команды — их дружба, их вера друг в друга, перелетая в золотые кружочки. И красное знамя поднималось над ними к вершинам Доломитовых Альп.

V

Быстро проносится время, увы, не только над хоккейными полями. Механизм спортивных секундомеров ничем не отличается от механизма часов ручных, карманных или настенных. И все они неумолчно отстукивают секунду за секундой, минуту за минутой, час за часом.

Каждое утро будильник звенит над ухом: пора, ждет академия. После каждого часа звенит звонок, извещая о конце лекции. С каждым днем все дальше и дальше отходят в прошлое дни, проведенные в маленьком итальянском городке Кортине д'Ампеццо: олимпийское пламя над ледяным стадионом, сомнения, тревоги, усталость и ликующее счастье победы. Жизнь вошла в свою будничную колею: у Всеволода Боброва в разгаре весенняя сессия. Осеню конец учебы в академии — защита диплома. У Татьяны Ларионовны Саниной, его жены, — репетиции в Московском театре оперетты. Она поет главную партию. Как-то Татьяна Ларионовна сказала Боброву: «И в моем и в твоем деле важно вовремя уйти со сцены. Ты помнишь об этом?» Он согласился с ней, хотя и не ответил на ее прямой вопрос. Конечно, он понимал, что ему пора уходить и лучший момент для этого трудно найти: у канадцев взят блестящий реванш, команда, которую он возглавлял как бессменный ее капитан, выиграла мировое и олимпийское первенство. Да, такого успеха еще раз в его спортивной биографии не будет. Но разве дело в красивом уходе со сцены? Нет, Бобров соглашался с женой, внутренне соглашался, потому что понимал, что с каждым сезоном все труднее и

труднее ему вести за собой команду, сливать в одно нерасторжимое целое разных по характеру, по силам людей. Все меньше времени остается до конца игры. Как знать, не близок ли тот горький час, на который намекал ему старый хоккейный репортер в своем летучем интервью на улице Кортине д'Ампеццо. Может быть, уже завтра Бобров будет тормозить действия молодежи, а не вдохновлять ее? И, словно подтверждая эту печальную мысль, ныла каждая жилка его натруженного тела, болела поврежденная еще в Лондоне нога, ломило плечо, принявшее на себя удар клюшки азартного американского защитника.

Да, пора сходить с арены, пора пересаживаться с хоккейной скамьи на скамью для зрителей, а еще лучше — на уютную тахту. Говорят, что телевизор отлично передает напряжение каждой схватки. И все так близко, словно ты сам на льду. Можно утешать себя и такой иллюзией. Но это значит, что первенство мира, которое в 1957 году будет разыграно в Москве, пройдет без него, Боброва. Это значит, что он оставит своих товарищ в самый решающий для них момент. И чем меньше дней оставалось до конца лета, тем чаще подумывал об этом Всеволод Бобров.

Его бодрила осенняя прохлада. Зажили старые хоккейные ссадины, и тренированные мышцы, сердце, не привыкшее к спокойному ритму, просили, требовали привычной большой нагрузки. Все чаще сомнение вселялось в его душу: имеет ли он право уходить из команды? Не рано ли? Не следует ли полностью использовать оставшиеся в его распоряжении секунды «до конца игры»? Сколько раз удавалось ему именно в последние мгновения перед финальным свистком судьи добиваться наибольшего успеха для себя, для команды. Может быть, и теперь его ждет этот успех? И когда была окончена военная академия, получен диплом, эти сомнения стали одолевать Боброва с еще большей настойчивостью. Но он еще колебался. Он еще спорил с самим собой, со своим старым боевым соратником Бабичем, и когда 14 октября Николай Сологубов поднял на искусственном кате в Сокольниках флаг всесоюзного чемпионата, Боброва не было

в составе армейской команды. Не было в первой тройке и Виктора Шувалова, твердо решившего не возвращаться на лед. Только Евгений Бабич занимал свое место рядом с молодежью. Ведь верный Женя^{*} Бабич всегда на посту.

С ревнивой пытливостью приглядывался Бобров к тем, кто сменил их, ветеранов. Будет ли толк из молодой армейской тройки — Константина Локтева, Вениамина Александрова, Александра Черепанова? Как будто бы будет: быстрые, смелые ребята. Им можно передать свое наследство, как шайбу в самый острый и решающий момент. И вот удивительное дело, ведь не играл с ними Бобров, а как много близкого себе, знакомого находит он в их ухватках. Он узнает свой почерк, пусть не такой уж каллиграфический. И особенно похож на него один из этой молодой тройки — Вениамин Александров. Прямо молодой Бобров — высокий, плечистый, легкий, смелый, и по игре похож, — словно сын его занял место в боевом строю армейской команды.

Несколько раз слышал Бобров на стадионе, как зрители удивлялись: «Кто это говорил, что Бобров не играет? Да вот же он!» А убедившись, что перед ними не испытанный капитан сборной СССР, а молодой игрок, впервые вошедший этой зимой в состав команды олимпийских и мировых чемпионов, удивлялись поразительному сходству и добавляли: «У него же бобровский проход, смотрите, как обманывает защитников».

Чем больше приглядывался Бобров к молодежи, чем яснее вырисовывался перед ним возможный состав сборной СССР в предстоящем мировом чемпионате, тем больше склонялся он к мысли, что вовремя уйти со сцены ему не удастся.

Перед ним была, в сущности, новая команда — совсем не та, что играла в Кортина д'Ампеццо. Не было на льду Крылова, Кузина, Кучевского, Шувалова, а если не будет и его, Боброва, то из трех пятерок только одна третья не потерпит изменений и сможет выступать в своем испытанном, сыгранном составе — пятерка Гурышева. В этом большая опасность, и раз-

ве может он, капитан команды, оставить ее в такой момент? Нет, не может. А раз не может, то ему остается только одно: верить, что его время еще не истекло.

И вот снова клюшка в руках Боброва, снова от его ударов летит по воздуху литая шайба, снова рядом испытанный друг Женя Бабич — верный Макар, а вместо Шувалова введен в тройку нападения молодой двойник Боброва — Вениамин Александров. Началась кропотливая подготовка к мировому первенству — все ближе тот срок, когда на этот раз в Москве должны встретиться лучшие команды мира. Какой же сюрприз готовят русским канадцы и американцы? Но сюрприз готовили, оказывается, не спортсмены, а государственные деятели этих двух стран. Они решили внести коррективы в программу первенства мира и Европы и не дали своим командам разрешения на выезд в СССР.

Так в самый разгар подготовки стало известно, что в борьбе за золотые медали не смогут принять участие наиболее серьезные соперники. Но значит ли это, что остальные команды не опасны? Нет, этого не думал никто. Ведь все встречи со шведами в течение всех этих лет проходили для советских спортсменов в исключительно тяжелой борьбе, а чехословацкие хоккеисты сразу же после возвращения с Белой олимпиады начали напряженно готовиться к соревнованиям в Москве. И сообщения, доходившие до Праги, говорили о том, что чехословацкие хоккеисты успешно пополнили основной состав великолепно тренированной молодежью.

Борьба за первенство не будет легкой, несмотря на отсутствие канадцев и американцев. Это понимали Бобров и его товарищи и уже с начала декабря приступили к решающей подготовке.

С международных товарищеских встреч начал Бобров свой новый сезон. Его, снова атакующего ворота соперников, вместе с Бабичем увидела спортивная Варшава, ему аплодировали в Хельсинки и Праге. Он играл смело, эффективно. Росло число шайб, забитых им и его товарищами по первой пятерке. Все уверенней

проявляла себя на льду молодежь, сменившая испытанных хоккейных бойцов. И все же Бобров чувствовал: что-то в команде изменилось, что-то нарушилось. Ритм атак? Согласованность внутри пятерок? Тот коллективный волевой напор, который создавался сложным синтезом отдельных характеров, удачно дополняющих друг друга? Определить это было невозможно, и вместе с тем каждая новая тренировка, каждая новая игра подтверждала его опасения.

Бобров окончательно убедился в своих предположениях после трех товарищеских встреч с первой сборной Чехословакии.

Только одну первую встречу удалось выиграть с минимальным перевесом 1 : 0, а остальные две игры закончились с одинаковым результатом 2 : 2. Перед ним была команда в самом расцвете, совсем не похожая на ту, которую он встретил на ледяном стадионе в Кортина д'Ампеццо. «Что же принесет четвертая, на этот раз официальная, встреча с чехословаками?», — в который раз спрашивал себя Бобров, выезжая на лед главной арены стадиона имени Ленина, куда была перенесена игра: трибуны Дворца спорта, рассчитанные на 16 тысяч человек, не могли вместить всех желающих смотреть этот матч. Это и понятно, победы советской команды на мировом чемпионате над командами Финляндии, Австрии, Германской Демократической Республики, Польши, Японии уже внесены в турнирную таблицу — теперь остаются две решающие встречи. Чем же они закончатся?

Игра СССР — Чехословакия снова закончилась ничьей и снова с тем же счетом 2 : 2. Всеволод Бобров после окончания встречи, лишившей его команду важнейшего и, как оказалось впоследствии, решающего очка, чувствовал себя гораздо хуже, чем все остальные, тоже порядком расстроенные игроки советской команды. Его товарищи могли хоть и в худших условиях, чем победившие во всех схватках чемпионата шведы, бороться за первенство. Для Боброва же игра с чехословаками была последней: в одном из столкновений защитник ударил его по ноге, и вот опухоль не дает возможности даже натянуть ботинка.

Так Бобров вышел из игры перед решающей встречей со шведами. А шведские хоккеисты, добившись победы над чехословацкой командой, имели на одно очко больше. Надо же случиться такому совпадению: на первенстве мира 1954 года перед решающей игрой у команды СССР тоже было меньше на одно очко, и это очко отняли у них шведы с Тумбой во главе.

Старый знакомый Свен Юханссон, которого в Швеции прозвали за его рост и вес «Тумбой», хорошо играл в Москве, и два молодых игрока, вошедших в его пятерку, Эйлерт Меэття и Эйс Линдстрем понимают его с полуслова. Удастся ли нарушить это опасное единодушие?

«Тре Крунур» — три короны — так называют шведы свою сборную команду, потому что три короны украшают грудь каждого игрока. Тремя коронами команды является Юханссон, Меэття и Линдстрем. Их, конечно, бросят против самой слабой пятерки в команде СССР, а такой пятеркой, наверное, будет та, где играли Бобров и Бабич. Ведь их, видимо, заменят молодые, еще необстрелянные спортсмены Виталий Костырев и Владимир Гребенников. Вот сейчас бы первую тройку на лед! Но где она, эта тройка? Бобров сидит дома, он даже в качестве зрителя не может поехать на стадион, Шувалов вышел из игры, а Бабич не поставлен в команду.

Не будет сегодня на льду первой тройки. А как она нужна была бы, как помогла бы сплотить команду! Ведь для победы над шведами при создавшихся условиях нужен особый подъем, то коллективное вдохновение, которое трудно создать даже самому опытному капитану, особенно если он участвует в игре не на поле, а у своего телевизора...

Боже, какой же жесткой, словно утыканной гвоздями, показалась Боброву его уютная тахта! Но разве легче Бабичу, хоть и сидит он на скамье игроков? Бабич в пальто, вместо боевого шлема на голове его кепка. Вот он мелькнул на мгновение на экране телевизора, и у Боброва сжалось сердце. Самоотверженный Макар за бортом, не поставили его в команду. Сегодня

вся их тройка за бортом. И тревога с новой силой сжала его сердце.

Не сводя глаз с телевизора, следил Бобров за началом игры, в особенно острые моменты он забывал о том, что сидит дома. Шведы все время сбивали темп игры советских хоккеистов. Об этом говорил внутренний метроном Боброва, отсчитывающий удары где-то в его груди.

Шведы незаметно снижают темп, замедляют его, и вот уже сами начинают атаки. Быстро меняются пятерки, и с каждой заменой становится все более ясным замысел соперников: шведы выпускают тройку Тумбы против самой несыгранной тройки Уварова, Костырева и Гребенникова. Надо активнее действовать остальным двум пятеркам, но пятерка Гурышева позволила Нельссону спокойно забить шайбу. Ничего не может сделать молодая тройка Локтева, Александрова, Черепанова. А вот и Тумба на льду. Прорвался к воротам Мееття. Вот он направил шайбу Линдстрему. И тут же красная лампочка вспыхнула над воротами советской команды.

Еще не кончился первый период, а счет уже 2 : 0. Неужели проиграли? Нет, Бобров не верит этому. Команда еще покажет себя. И когда на тринадцатой минуте второго периода Локтев, Александров и Черепанов начали стремительную атаку, когда Александров забил ответную шайбу, Бобров не выдержал и, забыв о больной ноге, вскочил и пустился в пляс.

— Молодец, двойничок, молодец! — кричал он. — Продолжай в том же духе!

Восемь минут советская команда играла так, как играла все шестьдесят на олимпийском стадионе. Бьет Трегубов — красная вспышка, Бьет Хлыстов — красная вспышка. Бьет Сологубов — красная вспышка.

Давно ли на щитах стояли две цифры 2 : 0. Теперь там стояло 4 : 2. Что же было потом? Что могло быть потом? Даже чутье Боброва подвело его на этот раз. Потом могла быть только победа... Но потом был третий период, потом были атаки все той же тройки — Юханссон, Мееття и Линдстрем, тройки, которая должна была бы встретить на льду Боброва, Бабича,

Уварова, а вместо них нашла Уварова и двух молодых, не сыгравшихся друг с другом хоккеистов. Тумба и его молодые товарищи решили судьбу мирового первенства, отквитав две шайбы, сведя матч к столь желанной для шведской команды ничьей, которая была равносильна полноценной победе.

Чем же мог утешить себя Всеволод Бобров, выключив, наконец, телевизор? Тем, что, даже не участвуя в последней игре, он был первым среди всех нападающих мирового первенства, забив 13 шайб? Тем, что его молодой ученик, его двойник Александров, отстал от него не намного, всего на две шайбы? Тем, что не случись с его ногой такого, первого тройка, наверное, не дала бы тройке Юханссона добиться этой ничьей, как не дали три советские пятерки в 1954 году канадцам использовать свое лишнее очко?

Нет, все это не уменьшало горечи неудачи. Что же теперь делать? Подсчитывать боевые отметины и забитые шайбы? Подводить итоги? Громогласно объявлять о том, что время Боброва истекло?

Какая чепуха! Нет, вот теперь-то нечего и думать об уходе со сцены. Нет, теперь надо немедленно начинать подготовку команды к мировому первенству 1958 года, к поездке в Осло. И разве так уж важно, какая будет его роль в предстоящей работе? Важно одно, чтобы его опыт не пропал, чтобы он стал достоянием многих молодых игроков, наследников хоккеиста Всеволода Боброва.

Викторов Виктор Яковлевич

ТРИ ПЯТЕРКИ

Редактор *М. Данилова*
Оформление художника *Н. Коробейникова*
Техн. редактор *И. Шувалов*

* * *

A00373 Подп. к печати 22/V 1957 г.
Бумага 84 × 108^{7/8} = 1 бум. л. =
= 3,28 печ. л. + 4 вкл. Уч.-изд. л. 2,97
Заказ 158 Тираж 25 000 экз.
Цена 1 р. 10 к.

* * *

Типография „Красное знамя“
изд-ва „Молодая гвардия“.
Москва, А-55, Сущевская, 21.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательство просит присыпать отзыв об этой книге по адресу: Москва, А-55, Сущевская, 21, массовый отдел.

В отзыве сообщите, понравилось ли вам содержание и оформление книги и какие темы новых произведений вас интересуют.